

Михаил БАРУ

ОТПЕЧАТОК НОГИ ИВАНА ГРОЗНОГО

От Москвы до Болхова на машине часов пять или шесть езды по трем областям – Московской, Тульской и Орловской. Сначала по Симферопольскому шоссе мимо Серпухова и Тулы, а потом дорога поворачивает на Одоев, Белев и приходит в Болхов. Читатель ждет уж рифм ямы, трещины, заплате на заплате... Не дождется – дороги хорошие до самого Болхова. Я ехал в январе – так они еще и песком были посыпаны. Как ни старайся, а придаться не к чему. Случись бы мне попасть на прием к Орловскому губернатору, так я бы ему так прямо и сказал словами Павла Ивановича Чичикова, что «в его губернию въезжаешь как в рай, дороги везде бархатные, и что те правительства, которые назначают мудрых сановников...» Впрочем, главе города Болхов я бы уже этого не сказал, хотя бы меня об этом и упрасивали – дороги и особенно тротуары даже на главной улице Ленина давно не чищены, обледенели и вовсе не посыпаны песком. Ходить по ним можно только держась за стены домов и помогая себе такими словами, которые не только при главе города, а и про себя говорить неприлично.

Бог с ними, с тротуарами. Можно подумать, что они в одном Болхове и не чищены. Обратимся лучше к временам почти доисторическим, когда про Болхов еще можно было сказать «вас здесь не стояло», а на его месте стояли дремучие леса, в которых росли еще не рождественские, а языческие елки и из кустов глазами страшными глядели совсем не игрушечные волки, медведи, кабаны, а по веткам и стволам стремительно бегали горностаи. Люди, жившие в этих лесах, назывались вятичами. Пришли они сюда с берегов Буга не позднее восьмого века нашей эры. Вятичи жили наособицу – с другими славянскими племенами не дружили. Да и нужды особой не было – зверя, рыбы, грибов и ягод достаточно, а не хочешь заниматься охотой и собирательством – занимайся подсечно-огневым земледелием, руби лес, выкорчевывай пни, заводи деревянные сохи и потом чеши в затылке да удивляйся, куда пропали горностаи, куницы и кабаны с оленями, не говоря о диких пчелах с их медом.

Впрочем, вятичам чесать в затылках было некогда – уже с девятого века их вольной и свободной жизни пришел конец. Стали они платить дань хазарам. По горностаю и белке от каждого дома, как писал в девятнадцатом веке орловский историк-краевед Гавриил Михайлович Пясецкий. За хазарами пришли киевские князья – сначала Святослав Игоревич, а потом и Владимир Святославович. Ни хазарам, ни киевским князьям вятичи, как можно легко догадаться, рады не были. Данниками числились, но все остальное... Оставались язычниками еще очень долго. Судя по раскопкам курганов вятичей в Орловской области, еще в начале двенадцатого века христианами из них были не более четырех процентов. Только в середине двенадцатого века, когда в этих местах поселяются члены семей черниговских и северских князей, а вместе с ними приходят и первые христианские священники, мало-помалу начинается и христианизация этих мест. Язычество, однако, своих позиций не сдавало, и его очаги, что называется, тлели до конца пятнадцатого века. Стоило только завестись князьям, тотчас же завелись и княжества, одним из которых было Карачевское со столицей в городе Карачеве, а недалеко от Карачева, буквально в полусотне верст или, по-нынешнему, в сотне километров находился... Вот тут мы вступаем на зыбкую почву предположений и гипотез. Здесь дорога даже не раздваивается – она распадается на несколько тропинок.

По одной тропинке вслед за известным русским историком Костомаровым идут те, кто считает, что никакого Болхова до середины шестнадцатого века не существовало и

город, вернее, крепость, была заложена по приказу Ивана Грозного в 1556 году и... все, и нечего тут наводить тень на плетень. По другой тропинке идут те, кто считает, что Болхов был, но был в Подолии, на территории современной Житомирской области, назывался Болоховым и был центром так называемой Болоховской земли, о которой несколько раз упоминается в Галицко-Волынской летописи. По третьей тропинке шагают те, кто вслед за не менее известным русским историком Татищевым считает, что Болхов существовал на территории Карачевского княжества, когда еще и никаких княжеств не было, основали его сарматы в начале первого тысячелетия нашей эры и назывался он Девягорском. То есть как он назывался у сарматов, неизвестно, но к двенадцатому веку его звали Девягорск, поскольку под таким именем он упомянут в летописях. Да и расположен он на высоком холмистом берегу реки Нугрь. Холмы, конечно, не горы, но... Одним словом, Девягорск.

Василий Никитич свою фантазию не стеснял, и любил, в отличие от Ньютона, измышлять гипотезы подчас и не подкрепленные никакими документами, но, как говорят сторонники девягорской гипотезы, отец русской историографии мог работать с не дошедшими до нашего времени источниками, ~~например, с библиотекой Ивана Грозного~~ и потому отвергать с порога существование Девягорска все же не стоит, и мы этого делать не станем, поскольку с Девягорском все куда интереснее, чем без него. Безусловно, кабы на территории нынешнего Болхова проводились археологические раскопки, то они могли бы пролить свет на прошлое города и в конце концов помочь определиться – существовал Девягорск на самом деле или нет, но раскопок не проводилось, и когда они будут... Обогнем вопрос с раскопками и пойдем дальше по третьей тропинке. В Ипатьевской летописи под 1147 годом сказано: «Святослав же приде к Дедославлю... В то же время посадники Володимери и Изяслави, выбегоша из Вятч, и из Дебряньска, и из Мченьска, и из Облове. Святослав же оттуда иде Девягорску, и зая все Вятчи и до Бряньска, и до Воробиины по Десне, и Домагошь и Мченеск». Понятно, что и Брянск, и Мценск и земля вятичей никак не могли находиться в Житомирской области, а значит и Девягорск... Вот вам и летописное подтверждение гипотезы Татищева, пусть и косвенное. Кроме того, Девягорск был упомянут в документе пятнадцатого-шестнадцатого веков под названием «Список городов дальних и ближних». Правда, он там записан литовским городом, но это уж к нашему делу не относится.

С другой стороны, сам Карамзин в примечаниях ко второму тому своей «Истории государства российского», после того как цитирует Ипатьевскую летопись, в которой упоминается Девягорск, пишет: «имена городов, напечатанные здесь косыми буквами, теперь совсем неизвестны. Некоторые из них, Облове и Девягорск...».

Есть еще и четвертая тропинка. Если пойти по ней, то можно прийти к... раскопкам, но уже в Тульской области и к еще одному Девягорску, расположенному возле города Чекалин. От него до Болхова всего девяносто километров. Так вот в тульском Девягорске, расположенном на левом берегу Оки, в 2011 году вела раскопки тульская археологическая экспедиция, обнаружившая остатки сгоревшей крепости двенадцатого века, следы посада, кладбища, рукоять ножа, веретена, погребение семи человек, которые предположительно погибли во время штурма города. Шесть тульских археологов написали по материалам раскопок ученую статью под научным названием «Локализация летописного Девягорска по письменным и археологическим источникам». В статье на четыре с лишним десятка страниц, среди текста, многочисленных фотографий, рисунков и таблиц я не нашел ни одного упоминания Болхова. То есть буквы, составляющие это слово, встречаются поодиночке неоднократно, но чтобы вместе...

Вот так. А как красиво все начиналось... Забыл сказать, что по той гипотезе, которая помещает Девягорск на место современного Болхова, в двести тридцать седьмом году под стены города приходит со своим войском Батый, разозленный семинедельной осадой неуступчивого Козельска. Приходит по дороге, которую, как писал орловский историк-краевед девятнадцатого века Гавриил Михайлович Пясецкий, с тех самых пор в

народе зовут Свиной. «Из преданий, сохранившихся в народе о Свиных дорогах, достовернейшее то, что они проложены Татарами; почему и получили настоящее свое, презрительное для Магометан, название». По мнению Пясецкого, болховская, то есть девягорская крепость контролировала участок Свиной дороги от Рыльска до Козельска... Впрочем, все это уже не имеет никакого значения, раз Девягорск находился в девяноста километрах от нынешнего Болхова.

Теперь, полагаю, мы можем с чистой совестью пролистать триста с небольшим лет и перейти в пятьсот пятьдесят шестой год – год основания Болхова. Впрочем, задержимся на минуту. Орловские историки и краеведы позапрошлого и прошлого веков, еще не зная о том, где находился настоящий Девягорск, писали, что после разорения Батыем тот, воображаемый ими Девягорск, существовавший на месте современного Болхова, был уцелевшими местными жителями покинут и на триста девятнадцать лет о городе под названием... под каким хотите названием, под таким и не было, как говорится, ни слуху ни духу. Из летописей он тоже пропал. Зато крымские татары никуда не пропадали, и жизни от них не было совершенно никакой. С пятьсот одиннадцатого года по пятьсот двадцатый набегали они на южные границы Московского государства четырнадцать раз. Без малого по два раза в год. Редкий год не приходили всю первую половину шестнадцатого века. Удивительно, как русские крестьяне успевали восстанавливать свои разоренные хозяйства, чтобы новым грабителям было чем поживиться. И это при том, что крымские татары забирали себе не только зерно, скот, меха и все, что можно унести, но еще и тех, кого можно увести для продажи на невольничьих рынках Крыма.

Это было время, когда пограничные крепости на южных рубежах Московского государства росли как грибы после дождя. Болховская крепость и была одной из таких крепостей. Почему ее так называли? Тут, слава Богу, не так много версий. В том месте, где поставили крепость, в реку Нугрь впадают две маленьких речки, почти ручьи – одна из них называется Клечетня, а вторая Болховка. По реке и назвали. Есть и более затейливая версия, по которой Болхов, тогда еще Девягорск (не тот Девягорск, до которого докопались тульские археологи, а другой, который существовал в воображении Татищева), в конце тринадцатого века стал столицей очень маленького Болховского княжества, входившего, в свою очередь, в просто маленькое Карачевское княжество, а оно в начале четырнадцатого века разделилось на два удела – Козельский и Звенигородский. Так вот Девягорск или Болхов сначала входил в Звенигородский удел, а потом достался младшему сыну князя Адриана Звенигородского Ивану по прозвищу Болх, ставшему родоначальником князей Болховских. Черт ногу сломит в близкородственных отношениях этих карманных княжеств с их князьями, и потому мы будем придерживаться первой, самой простой версии, к которой ни у историков, ни у археологов нет никаких претензий.

Крепость была самой обычной, можно сказать, типовой – двойные дубовые стены, между которыми засыпались земля и камни, земляной вал по периметру, башни, на стенах и в башнях пушки и пищали. К пушкам и пищалим прилагались пушкары, стрельцы, городовые казаки, воротники и разного рода служилые люди. Был еще посад, в котором жили ремесленники, купцы и крестьяне, но гражданского населения в Болхове было раза в три меньше, чем военного. В разрядной книге под пятьсот пятьдесят пятым годом упоминается, что «город делал Григорий Иванов сын Нагово». Воеводой в еще строящейся крепости был Михаил Петрович Репнин. В Болховском краеведческом музее сохранился фрагмент бревна, датированный предположительно второй половиной семнадцатого века и найденный в восьмидесятых годах прошлого века на улице Ленина буквально в квартале или в двух от того места, где стояла первая Болховская крепость. Конечно, вторая половина семнадцатого века – это не вторая половина шестнадцатого, но невооруженным взглядом этого не увидеть, а что написано на маленькой табличке с пояснительным текстом, сразу и не рассмотришь. Скорее всего, это фрагмент того бревна, которым ремонтировали ту самую крепость, которую возвели при Иване Четвертом. Может он откатился, когда крепость обветшала... Чуть ниже этого фрагмента прикреплен

к стене еще один фрагмент другого бревна с отверстием внутри. На табличке написано, что это фрагмент водопровода девятнадцатого века, но издали он смотрится как родной брат первого фрагмента.

Не будем, однако, отвлекаться на фрагменты. Уже в пятьсот пятьдесят шестом году Болхов приступил к несению военной службы. Служба эта не была легкой. Через шесть лет к его стенам подступил крымский хан Девлет-Гирей с пятнадцатитысячным войском. Не поздоровилось тогда Болхову. В октябре пятьсот шестьдесят пятого года, Девлет-Гирей снова пришел, и гарнизону крепости пришлось выдержать двухнедельную осаду. Обороной Болхова руководили воеводы Иван Золотой и Василий Кашин, и город не сдали, а сам Девлет-Гирей, узнав, что на помощь осажденным идут подкрепления из Москвы, осаду снял и ретировался. Через год после этой осады в Болхов приехал сам Иван Грозный с инспекцией¹. Наверняка воеводы просили усилить гарнизон, дать побольше пушек, пищалей, ядер, пороху и всего того, что обычно просят воеводы приграничных крепостей у начальства. Наверняка царь сократил количество просимых пушек вдвое, ядра приказал лить самим, пороху не дал вовсе и велел воевать не числом, а умением. Словом, вел себя так, как обычно ведут себя цари с воеводами приграничных крепостей.

Потом Иван Грозный укатил в Москву, а крымские татары что ни год набегали и набегали на Болхов, Белев, Одоев и так до самой Москвы со всеми остановками, пока не началось Смутное время. Тут количество набегающих и желающих пожить чужим добром увеличилось в несколько раз, и маленький Болхов отбивался от них изо всех сил. Только раз болховчане по своей воле открыли городские ворота. Случилось это в шестьсот шестом году, когда в город вступило войско Ивана Болотникова после победы над войсками Василия Шуйского под Кромами. Через два года к Болхову, в окрестностях которого стояли пять полков русского царя под водительством воевод Дмитрия Шуйского и Василия Голицына, подошла из Орла армия Лжедмитрия II под командой гетмана Рожинского. У поляков сил было ровно в два с половиной раза меньше, но... нерешительность и бесталанность русских воевод, перебежчик Лихарев, рассказавший Рожинскому о том, какими силами располагает его противник, о расположении полков, о том, с какой неохотой воюют правительственные войска за Василия Шуйского, и военная хитрость Рожинского помогли войску Самозванца разгромить наголову царских воевод. Шуйский, испугавшись наступления, как ему казалось, очень большого неприятельского войска, решил отвести и спрятать артиллерию за стенами Болхова. Поляки перешли в наступление и преследовали остатки армии Шуйского на протяжении двадцати пяти верст. В Болхове приготовился к осаде пятитысячный отряд во главе с воеводой Третьяком Сеитовым, но после артобстрела крепости, который стали вести из захваченных у Шуйского пушек войска Лжедмитрия, деморализованный видом бегущих с поля боя русских полков гарнизон решил сдаться, целовать крест Самозванцу и пойти вместе с его армией на Москву. Как писал Карамзин в последнем, двенадцатом томе своей «Истории государства Российского»: «беглецы, оправдывая себя, в рассказах своих умножали силы Самозванца, число Ляхов, Козаков и Российских изменников; даже уверяли, что сей второй Лжедмитрий есть один человек с первым; что они узнали его в битве по храбрости еще более, нежели по лицу». Шел болховский отряд хоть и вместе с войском Самозванца, но отдельно, под командой князя Сеитова. Недолго продолжался этот совместный поход: «удостоверенные, что Самозванец есть подлый злодей, они ушли от него с берегов Оки в Москву, извиняясь минутным страхом и неволею».

На этом бедствия Болхова во время Смуты не закончились. Пришлось Болхову, как и другим окраинным городам, уже после смерти Тушинского вора еще и польскому королевичу Владиславу присягать. Надеялись на то, что это убережет их от разбоя и грабежа со стороны поляков и казаков. Зря надеялись. Отряд пана Запроевского Болхов разграбил и сжег. В четырнадцатом году приходили поляки и литовцы. В начале июня приходили под командой Мартина Казановского. Дважды неудачно штурмовали город и ушли по направлению к Козельску. Не прошло и месяца, как появились другие, которыми

командовал полковник Юстиниан Лисовский, младший брат знаменитого Александра Лисовского. Воевода Степан Татищев сообщал в Москву: «приходили под Болхов литовские люди, полковник Устинко Лисовской да Ивашка Шеверда... и, слезчи с лошадей и разделяясь, приступали к Болхову всеми людьми жестокими приступы в девяти местах, и бились об остроге съемным ручным боем по всю ночь». Штурм отразили, но в тот же день, ближе к вечеру, Лисовский снова повел своих казаков на приступ и... снова Болхов устоял. И в третий раз, уже в третьем часу ночи, пошли разбойники в атаку, но тут удача повернулась к ним спиной. Атамана казаков Ивана Шеверду взяли в плен, а «литовских людей многих побили и языки поимали и переранили... и знамёна поимали и знаменщика убили». Лисовский в четвертый раз штурмовать Болхов не стал и увел своих казаков. Правда, они все же успели разграбить болховский посад и Оптиин монастырь, но долго не задерживались, поскольку стало им известно, что на помощь стольнику Степану Волынскому, командовавшему гарнизоном крепости, из Белева идет Дмитрий Пожарский.

В конце лета пятнадцатого года поляки и литовцы, приведенные Лисовским, трижды штурмовали Болхов и трижды болховский гарнизон под командой воеводы Степана Волынского² отражал эти атаки. В документах Разрядного приказа о походе Лисовского было записано: «Волынской и дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и всякие служилые и жилецкие люди... от Лисовского и от польских и литовских людей отсиделись и многих полских и литовских людей побили».

Еще через год поляки и литовцы, у которых, видимо, кончилось награбленное, снова явились. Снова гарнизон крепости под началом воеводы Богдана Вельяминова приготовился к осаде и... тут к нему на помощь подоспели московские воеводы Михаил Дмитриев и Дмитрий Скуратов с пяти тысячным отрядом. Поляки отступили к Курску, а Болхов остался залечивать раны, нанесенные ему Смутой. Надо было торопиться это делать, поскольку промежутки между периодами залечиванием ран и нанесением новых у нас бывают очень малы. Иногда их и вовсе не бывает. Заметим в скобках, что набег крымских татар все эти и последующие годы тоже никто не отменял.

И последнее о Смуте. Никитская слобода, появившаяся в Болхове еще в шестнадцатом веке, называлась по приделу святого великомученика Никиты в тамошней Благовещенской церкви. Располагалась она на западе города. Не любили болховчане в этом месте селиться, и жили там в основном ремесленники – кузнецы, гончары и кожевники. Так вот улицы, бывшие в Никитской слободе, местные жители еще в девятнадцатом веке называли «улицами Польши и Литвы», так как чаще всего с Запада приходили те, от которых потом не чаяли избавиться.

Не успел Болхов приступить к залечиванию ран, как в том же шестнадцатом году (в начале которого приходили поляки), в середине августа, дважды приступали к его стенам татары и дважды их от этих стен отгоняли. Мало того, сотня городских казаков настигла татар у речки Рог и отбила сто пленных. В конце сентября удалось отбить у татар еще сто пленных. Тут надобно сказать, что в это время в Болхове всех городских казаков было сто восемнадцать. В ноябре восемнадцатого года пришли литовцы. Болховский воевода Иван Наумов дал им бой в двадцати верстах от города у деревни Нагой и захватил пленных. При этом был убит командир разбойников – ротмистр Рогановский. Через три недели, в первой декаде декабря, снова пришли литовцы. Снова им дали бой под стенами Болхова и отогнали от города. В середине февраля следующего, девятнадцатого года новый набег литовцев. С этими бились на Деевском мосту через реку Нугрь, и мост, не выдержав тяжести, рухнул. Часть литовцев утонула сама, без посторонней помощи, части помогли, а часть взяли в плен вместе с их атаманом – Воленкой Гродцким.

Вот и залечивай тут раны... В шестьсот тридцать первом году, когда по всем нашим историческим документам, научным статьям, диссертациям, приходно-расходным ордерам и накладным Смута уже полтора десятка лет как закончилась и залеченные раны должны были давно зарубцеваться и только иногда ныть к непогоде, болховский воевода Иван Лодыженский писал царю: «Государь, объявилось у меня, холопа твоего,

болховских стрельцов 27 человек, 25 человек все с пищали, у двух человек пищалей нет, казаков 67 человек все с пищали и их братья и племянников и сусед и захребетников 57 человек с рогатины, пушкарей и затинщиков 9 человек, посадских людей 52 человека с пищали, 103 человека с рогатины, братьев и племянников и суседей и захребетников 35 человек с рогатины, дворян и детей боярских дворников 10 человек, Болховского уезда крестьян 304 человека». Это был не просто отчет, к которому воевода приложил челобитную болховчан с подробным описанием недостатков городских укреплений, это был крик о помощи, доставленный в Московский разряд стрельцом Ивашкой Киреевым. Больше всего было у болховичей рогатин, но много ли ими навоюешь...

В шестьсот сорок пятом году пришли крымские татары, а еще через пятнадцать лет уже не болховский воевода писал царю, а сам царь Алексей Михайлович писал болховскому воеводе Феодосию Беклемишеву об опасности прихода поляков и татар и приказывал: «жить в Болхове с великим береженьем, денные и ночные сторожи держать крепкие». Можно подумать, что обстановка в Болхове располагала к беззаботности. Крепость между тем от постоянного использования по прямому назначению довольно сильно обветшала и требовала капитального ремонта. Беклемишев отвечал царю, что «...лес ставлен тонок и редок и низок, и острожная насыпь низка: за речкою Болховскою гора выше острогу, с той горы воинские люди из мелкого ружья, из мушкетов и коробинов, в остроге и на обламах людей побьют; а защищать, Государь, острога нечем, пушек в Болхове мало, всего шестнадцать пищалей, и те малы; а пороху, Государь, в Болхове, в твоей государевой казне мало же, всего сто тридцать пуд ручного и пушечного. Да подле острогу старое городище выкинуто, бывал на нем, преж сего рубленый город, а ныне на том городище города и острогу нет... а на том городищи от реки Болховки пристойно сделать вал земляной, и о том о всем преж сего к тебе великому Государю в Пушкарской приказ я, холоп твой, писал многожды». Московские власти письмо воеводы и челобитную болховчан без внимания не оставили – город укрепляли дважды: в шестьдесят втором году перед набегом крымских татар и еще через два года перед возможным приходом поляков, которые приходили, но дошли только до Севска, от которого до Болхова две сотни километров с лишним. И вот так почти весь семнадцатый век, по крайней мере, первые три его четверти. Еще в семьдесят девятом году Болхов напоминал военный гарнизон – военных в нем было в три раза больше, чем гражданских.

Собственно о Болхове как о городе сохранилось довольно мало сведений. Сразу после Смуты в нем было всего шесть улиц – Никольская, Большая Пахотная Никольская, Никольская Малая, Рождественская, Пречистенская, Сергеевская и два переулка – Никольский и Рождественский; восемьдесят две лавки, из которых девять пустовало, два десятка кузниц, четыре харчевни и пять столов, на которых местные серебряных дел мастера выносили свой товар по торговым дням. Шестнадцать церквей и два монастыря. Каменных не было. Посадских и бобыльских дворов имелось в Болхове чуть более двух с половиной сотен. Треть из них после Смуты пустовали. Кого-то убили, кто-то решил попытать счастья в другом месте, а кто-то взял нищенскую суму и пошел добывать себе пропитание Христовым именем.

Между этими набегам, наездами и штурмами проезжал через Болхов антиохийский патриарх Макарий. Проезжал два раза – в пятьдесят четвертом году в Москву, а через два года обратно. Вместе с ним ехал его сын – архидиакон Павел Алеппский, оставивший подробные записки об этом путешествии. «Вечером прибыли к берегу реки, по имени *Нухри* (Нугрь), где и остановились. Мы ехали быстрее птицы... и прибыли в большой базар, лежащий на возвышенности, с сильною крепостью в стороне, на вершине горы, называемый Болхов. В нем двадцать церквей и два монастыря: один для монахов, другой для женщин. Мы отстояли обедню в церкви во имя св. Николая и затем, повидавшись с воеводой, выехали за город, где и остановились...». Вот и все, что написал Павел Алеппский о Болхове по пути к Москве. И еще записал архидиакон, уже выехав из города по дороге в Москву: «Начиная от этого Болхова, нам стали встречаться арбы с

пленными, которых везли москвиты из страны ляхов; тут были только женщины и дети, мужчины же перебиты мечом. Сердца наши разрывались за них. Бог да не даст нам видеть подобное!» На обратном пути, видимо, таких телег с пленными Павлу Алеппскому не встречалось, и потому более всего ему запомнился прием у болховского воеводы и то, что воевода подносил гостям чарки с водкой и вином стоя, в то время как они сидели.

Двадцать церквей в Болхове приходились на тысячу семьсот с небольшим душ населения, считая и служилых людей, и посадских с семьями. Значит, в городе одна церковь приходилась на восемьдесят восемь человек. В Москве к концу семнадцатого века на один храм приходилось две с лишним сотни душ. Вот и выходит, что жители города Болхова ~~по части культовых сооружений могли москвичей заткнуть не только за~~ нёе были почти в два раза богобоязненнее москвичей.

Что касается сильной крепости, то в середине семнадцатого века она имела одиннадцать башен и четверо ворот. Главными были Никольские, и над ними, в дозорной вышке, висел девятипудовый вестовой колокол. У этих ворот находился воеводский двор и приказная изба. Общая длина крепостной стены из врытых вертикально дубовых бревен, составляла девятьсот метров. Высота стены вместе с боевым балконом-обламом составляла шесть метров. В пороховом погребе по описи шестьсот семьдесят восьмого года хранились две с лишним тысячи пушечных ядер, триста шестьдесят ядер к затинным пищалам, почти сто пудов ружейного и пушечного пороха. Восемь десятков исправных мушкетов и семнадцать неисправных и полторы с лишним сотни берендеек – ремней с подвешенными зарядами, которые стрельцы носили через плечо. Пушек было всего ничего – семь медных и одиннадцать железных. Еще девять затинных пищалей. Еще недавно, при воеводе Беклемишеве, и пороха и пищалей было больше. Крепость от площади перед ней отделял ров глубиной девять метров, укрепленный по краю деревянными ежами. Внутри крепости было, как и во всех крепостях, тесно – одних только церквей стояло шесть, а еще пороховой погреб, таможенная изба, соляной и хлебный амбары, колодец, кабаки, кладбища при церквях и поповские дома.

Проезжавший в семьсот одиннадцатом году через Болхов другой священник – Иоанн Лукьянов – рассмотрел Болхов внимательнее, чем Павел Алеппский, но прежде чем мы расстанемся с семнадцатым веком и перейдем в восемнадцатый, скажем об Иване Ивановиче Ржевском, воеводе, родившемся в Болхове в шестьсот пятнадцатом году. В Болхове Иван Иванович прожил первые пятнадцать лет своей жизни, а потом... всю жизнь воеводой – в городах Малороссии, в далеком сибирском Енисейске, в Великом Устюге, в Нежине и осадным воеводой в Киеве. В те времена воеводы больше года в одном месте не служили. Власти полагали, и не без основания, что среднестатистический воевода к концу первого года вступает в преступную связь с местными, как сейчас сказали бы, элитами и начинает воровать и брать взятки. Зная это правило, жители города Нежина написали челобитную Алексею Михайловичу, в которой просили оставить у них воеводой Ржевского потому, что он «человек добрый, живет с ними Бога боясь, никаких бед, разоренья и воровства не допускает». Одной этой фразы из челобитной достаточно для того, чтобы поставить памятник Ивану Ивановичу хоть в Нежине, хоть на родине в Болхове, хоть в любом нашем городе, чтобы нынешние воеводы... Впрочем, это уже маниловщина.

Прослужил Ржевский в Нежине целых пять лет и уехал в Великий Устюг. После его отъезда нежинский протопоп Симеон Адамович писал в Москву ближнему боярину Артамену Матвееву: «Присылайте воеводой в Нежин доброго человека... давайте нам такого, как Иван Иванович Ржевский: и последний бы с ним теперь за великого государя рад был умереть». Иван Иванович похоронен в Болхове, в Спасо-Преображенском соборе. До Ржевского собор был деревянным. На его средства в шестьсот семьдесят первом году возвели каменный. Через сто семьдесят лет этот собор разобрали и построили на его месте новый – больше и краше. Самое удивительное, что несмотря на перестройку сохранилась

надгробная плита над могилой Ржевского, вмурованная в один из столпов нижнего яруса двухэтажного собора³.

На этом история об Иване Ивановиче Ржевском должна была бы кончиться, но она продолжилась. У Ивана Ивановича было четверо детей – трое сыновей и дочь. Сыновья, понятное дело, все воеводы. Они и появлялись на свет с криком «Ура!», уже в кольчугах молочной спелости и с крошечными шпорами на розовых пятках. У одного из них, Алексея, родился сын Юрий Алексеевич, но уже не воевода и окольный, как можно было бы подумать, а капитан-поручик, вице-губернатор Нижнего Новгорода и действительный статский советник. У Юрия Алексеевича родилась дочь, Сарра Юрьевна, которая вышла замуж за Алексея Федоровича Пушкина и в свою очередь родила дочь Марию Алексеевну Пушкину (Ганнибал), родившую в свою очередь дочь Надежду, а Надежда подарила нам всем наше все – Александра Сергеевича Пушкина, и тогда Марья Алексеевна стала бабушкой нашего всего, а Сарра Юрьевна – прабабушкой, а Юрий Алексеевич Ржевский прапрадедушкой, а... воевода и окольный Иван Иванович Ржевский блинами не торговал, царских сапогов не ваксил, но был убит при осаде Чигирин турецкой гранатой. В Болхове есть еще и улицы Большая Ржевская и Малая Ржевская, и я бы с удовольствием написал, что собор находится на одной из них, но... нет. Он стоит на улице Красная Гора, что не так уж и плохо, если вдуматься. Обычно-то у нас соборы стоят то на площадях Ленина, то на улицах Свердлова или Ворошилова, а то и на перекрестках улиц Розы Люксембург и Клары Цеткин.

Вот теперь вернемся к запискам священника московской церкви Покрова Пресвятой Богородицы Иоанна Лукьянова, проезжавшего через Болхов в семьсот первом году по пути в Иерусалим. В написанных им путевых заметках под названием «Хождение в Святую землю» читаем: «Град Болхов стоит на реке на Угре на левой стороне на горах красовито. Город деревянной, ветх уже; церквей каменных от малой части; монастырь хорош, от града якобы поприще; рядов много, площадь торговая хороша; хлеба много бывает, а дровами скудно сильно...». Обычно на этом самом месте болховские краеведы, пишущие о родном городе, цитату обрывают и рассказывают о том, как обветшали крепостные стены, как проходила торговля хлебом, про множество красивых церквей, а у цитаты между тем есть и окончание: «...Люди в нем невежи, искусу нет ни у мужеска полу, ни у женска, не как Калуга или Белев, своя мера, дулепы». Обидные слова. В примечаниях к запискам Иоанна Лукьянова, напечатанных в восьмьсот шестьдесят третьем году в журнале «Русский архив», написано, что «Дулёбый во Владимирской и Рязанской губ. значит косой, разноглазый». Иоанн Лукьянов был, наверное, очень остроглаз, поскольку пробыл он в Болхове всего день и успел заметить очень многое, включая отсутствие вкуса у жителей обоего пола и косоглазие. И еще в примечаниях добавлено, что странное это прилагательное могло происходить от самоназвания славянского племени, жившего в этих местах в раннем Средневековье. Да хоть в позднем. Все равно обидно, тем более что Лукьянов о жителях соседнего Белева написал: «В Белеве люди зело доброхотны, люд зело здоров и румян, мужеск пол и женск зело крупен и поклончив». Лицо духовное, а туда же – «женск пол крупен и поклончив».

Ну, да Бог с ним, с Лукьяновым. Вот царь Петр никаких записок о Болхове, куда приезжал с сыном в семьсот шестом году, не оставил, а просто осмотрел пришедшую в негодность крепость и приказал снять с нее все пушки. Посмотрел царь и Спасо-Преображенский монастырь. Побывал в мужском Оптином монастыре и распорядился устроить в Болхове архимандрию. Архимандрия эта должна была стать сладкой оболочкой на горькой пилюле. За четыре года до посещения Болхова Петр Алексеевич, по причине вечной нехватки денег на военные расходы, распорядился у этого же монастыря отобрать принадлежащие ему мельницы и передать их в ведение болховского магистрата, а за год до своего приезда отправил в Болхов боярину и полковнику Денису Мартыновичу Юрасовскому царскую грамоту: «Как к тебе ся Наша, Великого Государя грамота придет и ты бы в тамошних водах, в реках и в прудах, велел ловить рыбу всяких родов и велел

сажать в сатки, чтоб к Нашему В. Г. пришествию в Болхов живой всякой рыбы было б с удовольствием. И про улов той рыбы объявлял и подавал уловные росписи о том к нам В. Г., а отписку велел подать в приказе Большаго дворца боярину нашему Тихону Никитичю Стрешневу с товарыщи, а буде поставишь указ Наш себе в оплошку, быть тебе в великой апале; да на тебе ж доправлена будет пеня знатная». Можно подумать, что они там в Москве рыбы свежей не видели.

Правду говоря, Петра Алексеевича более всего интересовали не рыба и не храмы, а бурно развивавшееся в Болхове кожевенное производство. Обувь, рукавицы и кожаная конская сбруя, выделанные болховскими мастерами, расходились в различные малороссийские города и города европейской части Российской империи. Петр Первый любил вмешиваться во все дела. Кожевенное исключением не было. Императора, понятное дело, интересовали солдатские сапоги, а не бальные туфли. В семьсот девятнадцатом году из Москвы по его указу прислали в Болхов мастеров, чтобы те обучали их передовому московскому опыту. Мастера и приехали, о чем свидетельствует документ, написанный фискалами Свенской ярмарки⁴ киевскому губернатору: «...Да в прошлом же 719 году присланы в Болхов из Москвы от господина Нелединского-Мелецкого кожевенные мастера, которым велено учить оных болховских посадских людей означенный товар делать с ворваньем салом, а с дегтем пусть отнюдь не делали...». Надобно сказать, что у болховских мастеров было свое, отличное от предписанного по царскому указу, мнение касательно того, как выделывать кожи, и потому «...оные болховские посадские люди... противностью своею не токмо чтоб по указам обучаться, но и оные мастеров уничтожили и делать не починали, а делают и поныне с дегтем, о чем оные мастера подали к фискальным делам доношение». Вот и прорубай с ними окно в Европу. Вот и заказывай им сапоги для армии. Ты им хоть десять указов пошли, а они все одно будут кожу смазывать дегтем, а не рыбьим жиром.

Видимо, в выделке кож болховские мастера понимали все же больше царя, хоть и был он семи пядей во лбу, а потому еще через год по указу Петра в Болхов направили для обучения мастеров из Севской провинции⁵, хотя... кто его знает. Времена были такие, и царь был такой, что могли и пороть до тех пор, пока мастера этот рыбий жир не только для смазывания кож стали бы употреблять, но и внутрь. Еще и детям давать по столовой ложке каждый день. Так или иначе: «...велено помянутых кожевенных мастеров из Севской провинции послать в Болхов того ради, что в Болхове кожевников с пятьдесят человек. И тем мастерам по прежнему указу, который послан в губернию, против своих контрактов кожевенное дело против заморского образа производить и российский народ обучать на тех же заводах, где болховские кожевники ныне сами про себя делают, и для лучшего и скорого способа будет что понадобится к тем их заводам пристроить по их кожевенных мастеров указанью оным же болховским кожевникам к тем своим на свои деньги для того, что те заводы останутся у них же, кожевников, и на тех заводах делать им кожи и покупать из своих денег и продавать им те кожи от себя по вольною ценою...».

Кабы Петр Алексеевич ограничился только вмешательством в кожевенное дело... В семьсот шестнадцатом году в Болхов, как и во многие другие российские города, кроме Санкт-Петербурга, пришла новая беда. Царь приказал «из всех губерний людей лучших и пожиточных, которые наперед сего бывали у городской ярмарки в головах, в бургомистрах» выслать в новую столицу. Мало ему было плотников, каменщиков, кузнецов и других мастеровых людей, которых сотнями и тысячами забирали в строящийся город. В Болхове приказано было ехать в Петербург не кому-нибудь, а Денису Мартыновичу Юрасовскому, которому к тому времени было уже семьдесят пять лет. Пришлось старику писать царю челобитную, в которой он просил «Ваше Державство для своего царского многолетнего здравия и спокойствия от оной высылки меня раба твоего за многие Твои Государевы службы и за старость, и за увечье, и за скудность... освободить». Ну, насчет скудности самому крупному землевладельцу в окрестностях Болхова Юрасовскому было грех жаловаться, да и его заслуги на государственной службе

в данном случае были как раз отягчающим обстоятельством, но от переезда он был освобожден.

Тут самое время сказать, что Болхов, перестав быть крепостью и полностью утерев свое военное значение, не захирел, как многие другие городки в таком положении, не стал жить воспоминаниями о славном боевом прошлом, спиваться, зарастать сорной травой и паутиной. Безработные стрельцы, пушкари и городовые казаки не просиживали в кабаках целые дни, жалуясь на обстоятельства. Они стали кожевенных дел мастерами, кузнецами, шорниками, сапожниками, пирожниками и плотниками, выделывали кожи, шили обувь, разводили фруктовые сады и пахали землю. Более всего развивалось кожевенное производство. Дешевое сырье покупали в основном в Малороссии. Вода в Нугре очень хорошо умягчала выделяемые кожи, а в окрестностях города имелись необходимые для производства залежи известняка и растения, содержащие дубильные вещества – кора ивы, лозы и дуба.

Академик Василий Федорович Зуев, проезжавший через Болхов в 1781 году, в своих «Путешественных записках» писал, что проживает в городе без малого пять тысяч четыреста душ, что церквей уже двадцать две, из которых четырнадцать каменных, да еще два монастыря, что в мужском монастыре имеется колокольня с часами, что одних только деревянных домов в Болхове около тысячи восьмисот, а каменных купеческих особняков только шесть, что питейных домов шестнадцать, каменных лавок всего три и один соляной амбар. «Жителей, коих по невыгодности к торговле места наиболее причесть должно к хлебопашцам и ремесленникам... Главнейшие их промыслы суть кожевенные и юфтяные и всякая сыромятная работа, также славятся жители вязанием хороших шерстяных чулков, варег и тому подобного, в коих снимают даже в соседних городах подряды». Кстати, скажем и о фруктовых садах. Их в начале восьмидесятых годов восемнадцатого века в Болхове было более четырехсот. Впрочем, тут было разделение – те болховчане, что жили на юге города, в пойме реки Нугрь, выращивали овощи, а те, что на севере и северо-западе, на холмах – разводили сады. По данным Зуева Болхов имел в длину три версты, а в ширину вдвое меньше.

И домов, и садов, и лавок, и питейных домов могло быть куда больше, кабы не страшный пожар летом семьсот сорок восьмого года, в котором сгорело то, что осталось к тому времени, от крепости: воеводский двор, девичий монастырь, двенадцать церквей и полторы тысячи обывательских домов. Тем же летом в Орловском уезде был схвачен и препровожден в болховскую уездную канцелярию подозрительный крестьянин Афанасий Коровяков, рассказавший на допросе удивительную историю о том, как он, беглый солдат, пробрался из Москвы, где служил, проселочными тайными дорогами в Польшу. Там, в местечке Ветка, познакомился он с такими же беглыми солдатами и крестьянами. Год Коровяков жил в Польше, а потом был вместе со своими товарищами завербован польскими властями в команду поджигателей. Дали им порошу, серы, кремней и, самое главное, по двести рублей каждому, что по тем временам было огромной суммой. И пошли они, как написано в протоколе допроса «нищим образом» в Россию, где исхитрились сжечь город Глухов и несколько деревень Болховского уезда. В Болховском уезде, в селе Парамонове, жили поджигатели по паспорту, который им выписал земский писарь Егор Иванов за два рубля. У писаря они и жили. Афанасия Коровякова взяли за месяц до большого болховского пожара. Взяли и земского писаря Иванова, но часть поджигателей осталась на свободе. Все же из материалов дела неясно – то ли пожар дело поджигателей, то ли, как обычно, упала свечка или лучина выпала из поставца, загорелись занавески или пакля, а потом ветер разнес горящие угли, но с поджигателями, засланными из Польши, все выглядит куда затейливее, чем без них.

Само собой, что после такого пожара от Болховской крепости ко времени зуевского приезда не осталось ничего: «Укрепления в нем нет никакого кроме одних следов ныне осыпавшегося земляного вала, хотя в древности сказывают была и деревянная крепость». Вот так... В древности, которая и была-то всего полтора столетия назад. И еще о прошлом

Болхова: «Что касается до его начала, то неизвестно, когда он и кем построен, а несчастий в разные времена как от набегов Крымских, так и Литвы претерпевал довольно». Заметим, что Василий Федорович Зуев ехал не как праздный турист, а как исследователь, отправленный Российской Академией наук в экспедицию для подробного описания вновь приобретенных земель между Бугом и Днестром, и уж он-то, надо думать, узнавал о прошлом Болхова не только из устных рассказов местных жителей, но и из документов.

Зуев был очень подробным – он в своих записках сообщил даже о том, из чего сделаны ограды в местных монастырях – в женском, заштатном, который находился внутри города, она была деревянной, а в мужском, рядом с городом, каменная. Еще и ворота железные. Пересчитал он и монахов с монахинями – в женском всего девять вместе с настоятельницей и пятьдесят восемь послушниц, живущих на своем содержании, а в мужском – семь монахов и два послушника. Прочтет об этом современный читатель и подумает – зачем мне знать, сколько жило в болховских монастырях монахов и монахинь в конце восемнадцатого века, если я и в Болхове ни разу не был... Понятия не имею зачем. Жили они, молились, носили воду из колодцев, запасали дрова, чтобы зимой отапливать кельи, снова молились, снимали нагар со свечей, причащались, латали прохудившиеся подрясники, исповедовались и умерли. Сами придумайте зачем.

Вернемся, однако, в Болхов. Военных в последней четверти восемнадцатого века в городе не осталось вовсе, если не считать каких-нибудь будочников и городских. Даже герб, который был дарован Болхову императорским указом, как раз в тот самый год, когда через город проезжал академик Зуев, был мирнее некуда – «в серебряном поле засеянное гречихою поле, означающее изобилие сего плода». Ни тебе мечей, ни стрел, ни пушек с ядрами, ни крепостных башен – только гречиха. С этим гербом и стал Болхов уездным городом и центром Болховского уезда Орловской губернии⁶.

За три года до конца восемнадцатого века в городе было уже двадцать шесть каменных домов, из них дюжина была двухэтажных. Почти все эти дома были купеческими. Деревянных домов и вовсе было больше двух тысяч. По правилам написания краеведческих очерков, за общим количеством домов должна следовать роспись – сколько домов дворянских, сколько купеческих, сколько мещанских, солдатских, разночинцев, домов однодворцев, ямских; за росписью домов – роспись лавок – рыбных, мясных, москательных, мелочных, церковных, из них деревянных, каменных, список приказчиков в смазных сапогах, сидельцев в засаленных фартуках, вихрастых мальчишек на посылках; за лавками идут пивоварни, кузницы, свечные заводы, солодовни, харчевни, кабаки, половые, кухарки... и так до самых маленьких и нищих церковных мышей, но мы перечислять всего этого не будем. Скажем только, что в это же самое время в Болхове было целых сто семь кожевенных заводов и находились они при домах, стоявших вниз по течению реки Нугрь. Скорее всего, заводики это были маленькие и работали в них чаще всего члены одной семьи и два-три наемных рабочих, но Нугрь они довели, что называется, до ручки, постоянно промывая в реке кожи от дубильных веществ, золы, извести, красителей вроде купороса и сливая в воду все отходы производства.

Век просвещения мимо Болхова не прошел. Болховские градоначальники, понятное дело, как Екатерина Алексеевна с Вольтером не переписывались, но в семьсот тридцать восьмом году решено было церковными властями устроить в городе школу для обучения детей духовенства. На этот счет вышел соответствующий указ. Выйти-то он вышел... только учителей для школы не нашли, и указ остался на бумаге. Через двадцать четыре года была сделана еще одна попытка. То же ведомство решило устроить такую же школу. Снова вышел указ, архиепископ Крутицкий Амвросий выделил триста рублей, собрали деньги с местного духовенства, купили дом помещика Петра Петровича Апухтина, нужные учебники, назначили учителей и специальным указом приказали болховским городским и уездным священнослужителям своих детей отправлять на обучение. Проработала школа целых два года, а потом начальство про нее забыло. Забыло – это

значит перестало выделять деньги на ее содержание. На дрова, на зарплату учителям, на учебники. Дело в том, что Болхов перевели из одной епархии в другую, Московскую, и новое начальство не спешило ни с распоряжениями, ни с указами. Учителя и ученики долго не ждали – разбрелись по домам, школу закрыли. Родители учеников не расстроились – домашнее обучение им было куда привычнее и удобнее, чем школьное. И куда бесплатнее.

Еще через двадцать два года в Болхове открыли первую светскую школу и через пять лет, в семьсот восемьдесят девятом году, ее преобразовали в малое городское училище. Было в нем всего два класса – в первом учили чтению, чистописанию, отучали слизывать с листа кляксы, краткому катехизису, священной истории, не реветь, когда тебя таскают за вихры или угощают березовой кашей за невыученный урок или плохое поведение, и первой части арифметики. Во втором классе читали книгу о должностях человека и гражданина, стоять столбом в углу за разговоры, в то время как учитель объясняет урок, зубрили пространный катехизис, учились писать под диктовку, незаметно списывать и продолжали ненавидеть арифметику.

Одним из первых смотрителей училища, организовавший при нем общежитие на пять человек, был помещик болховского уезда Александр Алексеевич Плещеев – поэт, переводчик, композитор и большой друг Василия Андреевича Жуковского. Отец Александра Алексеевича, Алексей Александрович – секунд-майор в отставке, жил неподалеку, в том же самом Болховском уезде, в деревне Знаменское. Стихов он не писал, музыки не сочинял, но в гости к нему и к его жене Анастасии Ивановне не раз и не два приезжал и подолгу гостил их старинный приятель – Николай Михайлович Карамзин. В последнее десятилетие восемнадцатого века Карамзин бывает у Плещеевых в Знаменском почти каждый год и живет месяцами. Вот что он пишет весной девяносто четвертого года в Петербург из Знаменского Ивану Ивановичу Дмитриеву: «Я живу в деревне не скучно и не весело, имею удовольствия и неудовольствия, смеюсь и плачу, езжу верхом и хожу пешком, пишу и за перо не принимаюсь, читаю и не беру книги в руки, сплю и бодрствую, пью мед и ключевую воду...». Увы, Карамзин нам не оставил ни одного описания Болхова, хотя, наверное, и проезжал через него не раз, как проезжают писатели, погруженные в свои веселые или невеселые мысли, думающие о своих сочинениях, о делах сердечных или неизвестно о чем думающие вместо того, чтобы внимательно осмотреть город, пересчитать количество каменных домов, церквей, колоколен, лавок, питейных домов, фонарей, кузниц, кожевенных заводов, городских и все аккуратно записать в свой блокнот. Нет, от писателей, тем более сентиментальных, этого не дождешься. Им подавай Европу, подавай Париж, Дрезден, или Лондон. Кофейни парижские подавай, Булонский лес и увеселительные лондонские вокзалы. Вот обо всем этом можно написать «Письма русского путешественника», а о Болхове, в котором ни кофейен ни вокзалов...

В этом смысле Василий Андреевич Жуковский, приезжавший в гости к сыну Алексея Александровича, Плещееву Александру Алексеевичу, в село Большая Чернь в двадцати километрах к юго-западу от Болхова, ничуть не лучше Карамзина. Еще и хуже, поскольку он поэт и мог бы проезжать через Болхов хоть тысячу раз – все равно в голове у него кроме стихов и Маши Протасовой, в которую он был так несчастливо влюблен, ничего не было. Так что и от Жуковского мы не узнаем ровным счетом никаких экономических подробностей из жизни Болхова и уезда на рубеже двух веков, а между тем в конце восемнадцатого века в уезде изготавливали скатерти, салфетки, полотна и прочную льняную ткань, называемую канифасовой. Болховскую пеньку и конопляное масло, канаты разных сортов, паклю и паклевую пряжу, без которых не обходилось строительство ни одного деревянного дома и ни одного корабля, везли на продажу в Воронеж, Таганрог, Одессу, Харьков, Царицын и на Ростовскую и Урюпинскую ярмарки. Конопляное масло поставляли и в Москву.

Бог с ними, с экономическими подробностями. Оставим их на время. В августе восемьсот двенадцатого года из усадьбы Плещеева Жуковский уходил в Московское ополчение, а в январе четырнадцатого года там же праздновали день рождения жены Плещеева Анны Ивановны и годовщину возвращения Жуковского из армии⁷. У Плещеева имелся собственный театр из крепостных актеров, и при его собственном участии и при участии Жуковского был поставлен «Филоклет» Софокла.

...Свечи трещат, натоплено так, что дышать нечем, у дам руки устали постоянно обмахиваться веерами, слышно как за закрытыми в зал дверями бегают дворня, готовя все к ужину, из кухни предательски пахнет жареным луком, а хор, состоящий из Тришек, Палашек, Агафонов и Аксиный, декламирует: «Сладкий Зевса глагол! От златого Пифона что приносишь ты ныне в знаменитые Фивы...»

Раз уж речь зашла о театрах, то не обойтись нам об упоминании еще одного крепостного театра, существовавшего на территории Болховского уезда в селе Сурьянино у помещиков Юрасовских. Богаче Юрасовских в уезде не было никого. Собственно, они и владели почти всеми землями вокруг Болхова. Сами они были выходцами из Литвы, состояли в родстве со Ржевскими, и один из Юрасовских еще при Алексее Михайловиче был пожалован саном Московского боярина, но сейчас не об этом. Алексей Денисович Юрасовский в восемьсот пятом году купил за тридцать семь тысяч ассигнациями у тамбовской и московской помещицы генеральши Чертковой оптом сорок четыре певца с женами, детишками, с их бабушками и дедушками, нотами, балалайками, рожками, свирелями, жалейками и гусями. Общим числом почти сто человек. Эти певчие были еще и актерами. В поименном списке отмечалась, к примеру, «отменная, зело способная на всякие антраша дансерка, поведения крайне похвального и окромя всего того, лица весьма приятного».

Театром и балетной труппой управляли братья Алексей и Петр Денисовичи, а их сестра Александра содержала духовный хор, который выступал не только в Сурьянино перед окрестными помещиками, но выезжал на гастроли и в Орел, где пел по разным церквям и у архиерея. Вместо общепринятых тогда певческих кафтанов хористы носили черные испанские плащи. Посреди этого хора выступала иногда и сама помещица с лирой, в древнеримской тоге и лавровым венком на голове. Все хористы были брюнетами, но не натуральными, а крашеными. В Болхове несчастных хористов, как только они там появлялись, дразнили угольщиками. Надо сказать, что хористы в ответ не дразнились в ответ, а сразу засучивали рукава и лезли в драку. По части махать кулаками они были большие мастера и порой устраивали такие побоища, что и полиция их могла с большим трудом утихомирить. Не дураки певчие были и выпить. Пропивали они в болховских кабаках не только наличные, но и свои испанские плащи, сапоги и шляпы. Драться при этом они не переставали. Тут уж пьяных и уставших певчих сажали на съезжую или в холодную, а их барыне полиция сообщала, что хор ее в полном составе в одном исподнем сидит в ожидании дальнейших распоряжений. Юрасовская платье их немедленно выкупала, а самим безобразникам приказывала немедленно отправляться в Оптиный монастырь говеть, раскаиваться в грехах и возвращаться домой только с запиской от настоятеля, что грехи их за полным раскаянием отпущены. Так они и поступали.

Театральная и балетная труппы давали представления в селе Сурьянино. Для обучения крепостных балету Петр Денисович Юрасовский выписал за огромные деньги то ли из Италии, то ли из Франции балетмейстера, некоего Санти. Специально было оговорено, что будущих балерин на репетициях бить нельзя. Петр Денисович временами жил в Москве и за репетициями следил мало, если вообще следил, а Санти... вряд ли у него был переводчик, а сам он русского языка не знал и потому для объяснения вовсе пользовался не только жестами, итальянскими или французскими ругательствами, но и кулаками.

Так или иначе, а в восемьсот шестнадцатом году премьерный балет под названием «Разбойники Средиземного моря или благодетельный алжирец» был подготовлен.

Уездный болховский бомонд был на представлении в полном составе⁸. Все шло хорошо, и прима-балерина, которую звали Нина – девушка красивой наружности и, конечно же, фаворитка Петра Денисовича – была на сцене выше всяких похвал, как вдруг, во время очень трудного пируэта, оступилась и упала на подмостки к ногам стоявших там купидонов, нимф и амуров. Все ахнули и тут же ахнули еще раз, поскольку в этот момент из-за кулис выскочил Санти, из которого, в свою очередь, выскочил настоящий Карабас Барабас с хлыстом в руках и стал полосовать спину оступившейся балерины, ухватив в руку при этом ее распущенную косу. Конец этой сцены был, однако, совсем не таким, как в театре Карабаса Барабаса. Нина сделала пируэт и натренированной на репетициях ногой так ударила Санти, что сломала ему ребро. Санти рухнул замертво. Дали занавес. Среди зрителей нашелся доктор, который стал перевязывать Санти, а Нина в суматохе исчезла, сумела добраться до Москвы и упасть в ноги Петру Денисовичу, жившему в это время в столице. Ее простили, а незадачливого балетмейстера было велено отправить туда, откуда он приехал. С тех самых пор ни в Болховский уезд, ни даже в Орловскую губернию итальянских и французских балетмейстеров никто не выписывал.

На этом самом месте нужно перестать рассказывать о культурной жизни⁹ Болховского уезда и вернуться наконец к болховским кожевенным, свечным, салотопенным и пенькотрепальным заводам, подсчетам деревянных и каменных домов, улиц, фонарей и городских. Так мы и сделаем, только прежде скажем о том, что знаменитая гурьевская каша, не имеющая никакого отношения к графу Гурьеву, своим происхождением имеет не Петербург и не Москву, а Болховский уезд, и придумал ее рецепт крепостной повар Петра Денисовича Юрасовского Захар Кузьмич Аксенов, купленный у Юрасовского вместе с женой Домной, двумя дочерьми Акулиной и Василисой, сыном Сидором, с женою сына Матреной и малолетним их сыном Карпушкой. Сумма сделки была такой, что в купчей крепости ее решили не указывать, а только написали, что продавец получил с «кавалера графа Гурьева за оную семью крепостных людей ходячею российскою монетою все, что полагается по уговору – все без остатку...» Правда, потом выяснилось, что Захар Аксенов до того, как попасть к Юрасовскому, жил в Москве и учился у французских поваров, так что вполне может статься, что часть ног знаменитой каши растет не из России, а из Франции.

Вот теперь вернемся... Нет, еще не вернемся. Скажем еще несколько слов о проезжающих и уж точно вернемся. В восемьсот семнадцатом году через город, по пути в Киев, проезжал очередной наблюдательный путешественник – князь Иван Михайлович Долгоруков. Записал он в своем дневнике о том, что проиграл хозяйке дома, в котором остановился, и двум болховским барышням в карты восемнадцать рублей, о том, что мужской Тихвинский монастырь под городом богат, что чудотворный образ Тихвинской Богоматери привлекает сюда множество паломников, что братии мало и в «храмах большая нечистота: грачи, под куполом соборной церкви летают свободно, как в рощи, и крик их заглушает иногда голос Диакона», что «Болхов издали – картина; город разбросан по буграм и весь в садах. В нем 11 тысяч душ, населенных без тесноты, на обширном пространстве. Более всего удивило меня в нем то, что конечно четыре пятых частей населения в нем составляет женской пол. На каждого мужчину можно счесть по несколько женщин. Естьли не Религия, то натура, конечно, присудила этот город следовать правилу Магометан и соблазняться многоженством». Так ли обстояло дело с женским полом в Болхове в семнадцатом году или Долгоруков все это сочинил, мечтая о многоженстве, поскольку он был по совместительству еще и поэт, а не только тайный советник и Владимирский губернатор в отставке – нам неизвестно. Известно только то, что по официальной статистике в восемьсот тридцать шестом году в Болхове проживало женщин действительно больше, чем мужчин, но вовсе не в четыре раза больше, а всего на полтора процента.

Чтобы уж совсем закончить с проезжающими, упомянем Фонвизина, переночевавшего в семьсот восемьдесят шестом году в доме мещанина Гаврилы Кличина

по пути в Вену, Пушкина, проехавшего через Болхов на Кавказ и не остановившегося здесь переночевать, и Барклая-де-Толли, даже не проехавшего, а проскакавшего через город со своими адъютантами в восемьсот семнадцатом году по дороге в Козельск.

Теперь, наконец, о Болхове и его промышленности. В восемьсот двадцать восьмом году местные кожевенники получили казенные подряды на поставку кож в армию. Вот тут-то и начался золотой век болховских купцов, торговавших солдатскими сапогами. Каждый год они получали подрядов на суммы от восьмисот тысяч до полутора миллионов рублей. Крупнейшими заводчиками в Болхове середины девятнадцатого века были три купца – Клягин, Евдокимов и Петухов. На отходах кожевенного производства поднялось клееварение и выделка войлока. Только отходов шерсти кожевенные заводы Болхова давали более тринадцати тысяч пудов в год. Расцвело производство валенок. На набережной Нугры стали строиться такие особняки...

Казенные подряды, особенно на большие суммы, как известно, могут довести не только до больших особняков, но и до больших неприятностей. Болховские заводчики пустились во все тяжкие, пытаясь получить не просто прибыли, а сверхприбыли. Стали сдавать кожи не только своей выделки, но и купленные задешево в других городах, худшего качества. Вместо коровьих кож пускали на изготовление сапог конские. Поговаривали даже, что они умудрились под кожу подделывать картон. Все сходило с рук, поскольку армейские интенданты, принимавшие такого качества сапоги... Нет, не зря Наполеон говорил, что любого армейского интенданта можно расстреливать после пяти лет службы. Все сходило с рук, пока не началась Крымская кампания и подметки у солдатских сапог стали отрываться на ходу. В восемьсот шестьдесят четвертом году в Болхове создали специальную комиссию для приемки кожевенного товара в казну. В тот год общая сумма подряда составляла миллион двести тысяч, из которых на триста тысяч поставлял Клягин, на четверть миллиона Евдокимов, на шестьдесят две тысячи Петухов, а все остальное – заводчики помельче. Четверть всего товара болховских производителей была забракована. Купцы прибегли к известному средству, которое помогает у нас всегда, но... не вышло. Уже и нашли человека в комиссии, который был готов пойти навстречу пожеланиям кожевников, как все выплыло наружу, разразился мировой, в масштабах Болхова, скандал, и взяточник покончил жизнь самоубийством.

Тогда подрядчики вступили, выражаясь современным языком, в картельный сговор и повысили цены, но и тут случился конфуз. Казань и Курск взялись поставить в армию тот же подряд, да еще и за меньшие деньги. В Болхове грянул гром – из шестидесяти кожевенных заводов, на которых работало около семисот рабочих, разорилась ровно половина. Выжили только средние и мелкие предприятия с годовыми оборотами до миллиона рублей. Еще учтем, что за год до описываемых событий в Болхове случился страшный пожар, уничтоживший три сотни домов и несколько десятков кожевенных предприятий. Так что, начиная с шестьдесят четвертого года, о развитой и процветающей кожевенной промышленности в городе можно было говорить разве что в прошедшем времени.

Оставим кожевенников и взяточников. В «Историко-статистическом описании городов Орловской губернии» за восемьсот тридцать восьмой год написано, что болховские мещанки ужас как старомодны. В то время как женский пол Орловской губернии en mass уже сменил сарафаны на модные платья и кокошники на повязки, в Болхове все еще носят сарафаны, кафтаны особого кроя и жемчужные сетки на головы, спускающиеся нитями на глаза. И это не все. Девушки на выданье в Болхове не ходили в церкви. По крайней мере, старались не ходить, чтобы не дай Бог не прослыть «Христовыми невестами». И это при том, что церквей в Болхове было больше, чем в любом другом городе Орловской губернии. Вот все те, кто на выданье, в них и старались не заходить. В историко-статистическом описании еще написано, что в Болхове восемьсот тридцать восьмого года проживало почти тринадцать с половиной тысяч человек в восьмидесяти пяти каменных домах и в двух с лишним тысячах деревянных, что работало

тридцать восемь кожевенных заводов, но это все материи скучные, и мы о них говорить не будем.

Скажем лучше о храмах, в которые старались не заходить девушки на выданье. В восемьсот сорок первом году старый, скромных размеров, Спасо-Преображенский собор, выстроенный еще на деньги Ивана Ивановича Ржевского, стали ломать и строить новый. Затеял строительство нового на свои же средства церковный староста собора и болховский скотопромышленник Иосиф Дмитриевич Акулов. То есть сначала хотел он пристроить к старому собору престол во имя Печерской Божией Матери, но собор стоял на горе, и пристройка неминуемо сползла бы, а потому, по совету своего свата, тоже болховского купца Филиппа Григорьевича Шестакова, Акулов затеял строительство нового городского собора. Иосиф Дмитриевич обязался по обету всю прибыль от продажи волов отдавать на строительство храма. Мало того, он распорядился, чтобы на рогах продаваемых волов сделать пометки в виде двух букв «Н.Ч.», что означало Николай Чудотворец. С одной стороны, может показаться, что Акулов немного... а с другой, когда партия волов при перегоне останавливалась на кормежку и погонщики владельцам пастбищ рассказывали и про то, что означают две буквы на рогах животных, и про обет, данный болховским купцом, то многие владельцы пастбищ или вовсе отказывались от платы за съеденную траву, или брали куда меньше, чем полагалось по прейскуранту.

Рассказ о строительстве собора нехорошо прерывать статистикой, но мы все же втиснем сюда буквально несколько цифр, касающихся болховских купцов. Как раз через год после начала строительства нового собора, в восемьсот сорок втором году, в Болхове на шестнадцать с лишним тысяч жителей приходилось восемнадцать купцов второй гильдии и почти девятьсот купцов третьей. К купцам пристегнем и ремесленников – почти три сотни сапожников, что неудивительно при таком развитии кожевенного дела, и полторы сотни кузнецов. К кожевному производству прибавим пенькотрепальное и изготовление разной толщины канатов, веревок и бечевки. Торговали хлебом, вывозили подростков в соседние и украинские города и отдавали их мальчиками на побегушках в различные торговые заведения. Женских промыслов было всего ничего – вязание чулок, кружевоплетение и работы на шерстомойнях.

Вернемся к строительству собора. Акулов не успел его достроить – Иосиф Дмитриевич умер через два года после начала стройки, истратив шестнадцать тысяч рублей своих средств и доведя стены до перемычек окон второго этажа. Горожане доверили достройку храма свату Акулова – Филиппу Шестакову. Тот, со своим помощником Матвеем Поповым, приступил в сорок четвертом году к достройке и уже через два года были освящены все три престола нового собора. Еще через два года Филипп Григорьевич Шестаков заразился холерой и умер. Достраивал собор его сын – Василий Филиппович. Полностью постройка была закончена к восемьсот пятьдесят первому году.

Одним из тех, кто освящал собор был, позже причисленный к лику святых, архимандрит Макарий (в миру – Михаил Яковлевич Глухарев) – настоятель Болховского Троицкого Рождества Богородицы Оптина монастыря. О нем нужно сказать особо. Макарий первым в России перевел с древнееврейского на русский Ветхий Завет, а Новый Завет с греческого. Долго и, увы, безуспешно, просил он у церковного начальства разрешения напечатать свои переводы. Написал письмо митрополиту Филарету, в котором доказывал, что переводить Библию нужно с оригинальных языков. Начальство отвечало отказом. Надо сказать, что и Макарий в долгу не остался – в своем ответном слове синодальному начальству наговорил такого, что Св. Синод наложил на него епитимью, «чтобы молитвой с поклонами он очистил свою совесть», освободил его от миссионерской работы, а вместо разрешения отправиться паломником в Иерусалим отправил его настоятелем в Болховский монастырь. Здоровья Макарий был слабого и просил Св. Синод разрешить ему при келье устроить домовую церковь. И в этом ему было отказано. В монастыре он и прожил три последних года своей жизни. Там и похоронен.

Перевод его был через полтора десятка лет после его смерти опубликован и затем использован при работе над Синодальным переводом Библии. В двухтысячном году Макария даже канонизировали, а при жизни... При жизни ему все же разрешили отправиться паломником в Иерусалим. Вот только он не успел воспользоваться этим разрешением – заболел и умер.

От просветителя Макария перейдем к просвещению. Тут рассказывать особенно нечего. На ниве просвещения Болхов в первой половине девятнадцатого века не перетрудились. С просвещением дело обстояло из рук вон плохо, но при этом наблюдалось редкое единодушие между гражданами – ученики не хотели учиться, их родители не хотели своих детей отдавать в школы, городские власти не хотели тратить денег на содержание учебных заведений. При малейшей возможности родители за учеников не платили, ученики и учителя мгновенно разбегались по домам. Особенно не любило отдавать учить своих детей болховское мещанство и купечество. К примеру, в восемьсот одиннадцатом году в Болхове было пятьдесят два ученика. На все двенадцать тысяч жителей города. Из этого количества учеников детей мещан и купцов тридцать шесть. Мягко говоря, немного. Да и те дети, что учились, стремились как можно скорее закончить обучение. С полного одобрения родителей, конечно. Научатся по складам читать, кое-как писать и началам арифметики – и домой не оглядываясь. Каждый год пятая часть учеников бросала школу. Дошло до того, что власти уговаривали родителей не забирать учеников до конца обучения. Пугали их тем, что не окончившим начальный курс будет трудно поступить в высшие учебные заведения, что в случае поступления на государственную службу карьерный рост... Куда там. Нашли чем пугать детей мещан и купцов с планеты Болхов. Какие высшие учебные заведения, какая государственная служба... В восемьсот тридцать шестом году на весь город было полторы сотни учеников, а еще через шесть лет немногим более двухсот. Пробудил стремление горожан к обучению закон о всеобщей воинской повинности семьдесят четвертого года. Тем, кто имел образование, сокращали сроки действительной военной службы. Про университеты и говорить нечего – даже тем, кто закончил народные училища, срок службы сокращался на треть. Тут уж болховчане повели своих чад учиться, учиться, и учиться, как завещала им военная реформа графа Милютин. Число учащихся стало неуклонно расти и к началу девяностых годов девятнадцатого века выросло почти в пятнадцать раз. В Болхове появилась даже женская начальная школа. Правда, из тех, кто начинал учиться, заканчивали курс немногие. Даже в девяностых годах девятнадцатого века у мальчиков оканчивало полный школьный курс едва десять процентов от начинавших. У девочек дела обстояли ничуть не лучше. Справедливости ради нужно сказать, что ни Болхов, ни Орловская губерния не были, что называется, из ряда вон в том, что касается народного образования. В соседних и в не очень соседних губерниях дело обстояло ничуть не лучше.

И снова статистика. В памятной книжке Орловской губернии за восемьсот шестидесятый год написано, что в городе проживало почти двадцать тысяч человек. Через сто шестьдесят лет, то есть в наши дни, их проживает без малого одиннадцать. Если же сравнивать население Болховского уезда и Болховского района, то разница получается еще более значительной – в восемьсот шестидесятом году около девяти тысяч человек, а в две тысячи двадцатом – шестнадцать с половиной. Правда, каменных зданий в Болхове стало куда как больше двух сотен, которые были полтора века назад.

Как раз в то самое время, когда в Болхове проживало двадцать тысяч человек в двухстах каменных домах и в двух тысячах деревянных, когда в городе жили почти девять десятков потомственных дворян и двести с лишним личных, когда одних только священнослужителей в Болхове имелось без малого четыреста, когда каждый десятый житель был военным – вот тогда через город проезжали Фет и Тургенев¹⁰. Не просто проезжали как, скажем, Пушкин по пути на Кавказ или Жуковский по пути к Плещееву, а переночевали в гостинице и наутро прогулялись по городу. Ехали они в соседний с Болховским Жиздринский уезд на охоту, а по пути заехали в село Павлодар в усадьбу

знакомых Тургенева Апухтиных. У Николая Федоровича Апухтина и его жены Марии Андреевны был сын... Экскурсовод Болховского краеведческого музея вас истомит, пока доберется до романа Апухтина «Ночи безумные», положенного на музыку Чайковским – сначала расскажет вам о родословной старинного дворянского рода Апухтиных, о генерале и кавалере Александре Петровиче, о сенаторе и предводителе дворянства Орловской губернии Гаврииле Петровиче, о Симбирском и Уфимском генерал-губернаторе генерале Акиме Ивановиче, о поручике и судье Болховского уезда Евстигнее Андреевиче, о Федоре Евстигнеевиче, о Николае Федоровиче и, наконец, об Алексее Федоровиче Апухтине – поэте, родившемся в Болхове, где его отец служил уездным судьей. Небольшой, если не сказать маленький, дом, где родился поэт, сохранился. Правда, теперь он с ног до головы обшит сайдингом и совсем не похож на тот, что был в позапрошлом веке. Старушка, которая в нем живет, терпеть не может, когда перед ее домом останавливаются экскурсанты и заглядывают в окна. Что же до села Павлодар, в котором Апухтин провел все свое детство и потом прожил еще два года – с шестьдесят третьего по шестьдесят пятый, числясь старшим чиновником для особых поручений при орловском губернаторе, то оно обезлюдело. Кстати, именно в Павлодар приезжал в шестьдесят третьем году к Апухтину в гости его близкий друг Петр Ильич Чайковский, написавший на стихи Апухтина шесть замечательных романсов. Если сейчас же не написать, что в Болхове памятник Апухтину стоит в самом центре, перед домом детского творчества, напротив главного городского Спасо-Преображенского собора, то болховцы обидятся, но я напишу. Памятник небольшой, но на нем есть все, что у нас полагается быть на памятнике русскому поэту прошлых веков – и гушиное перо, и свеча, и свиток с цитатой из его стихотворения.

От стихов перейдем к прозе. Не к прозе Апухтина, которая, на мой вкус, куда лучше его манерных и вычурных стихов, а к прозе жизни, то есть к коноплеводству. Оно всегда конкурировало в Болхове с кожевенным производством, а после пожара и потери государственного заказа кожевниками стало основным источником доходов местных жителей.

Конопляные поля в Орловской губернии появились еще при Петре Первом, когда и губернии еще и не было. Флоту и не только ему нужны были канаты, а конопляное масло в те времена заменяло подсолнечное. К середине девятнадцатого века все поля вокруг Болхова были заняты посевами конопли. В городе в шестьдесят восьмом году числилось шестнадцать пенькозаводов и столько же паклетрепальных заведений. Сначала местные промышленники скупали у крестьян коноплю, потом из ее стеблей получали пеньку – грубое лубяное волокно. Каждый год в летний сезон до восьмисот человек из болховских мещан и жителей пригородных слобод, называемых на профессиональном жаргоне трепачами, на пенькозаводах вырабатывали до тридцати пяти тысяч пудов пенькового волокна. Все это богатство отправляли в Петербург, где у болховских пеньковых магнатов имелись собственные склады в порту. Со складов пеньки отправлялась в Европу, где она шла на производство канатов и веревок. Из отходов пенькового производства получалась пакля, из которой делали бечевки разной толщины. Работали на таких, с позволения сказать, заводах, похожих на кустарные артели, целыми семьями. В сутки можно было заработать от тридцати до тридцати пяти копеек. При этом рабочий день мог длиться и до пятнадцати часов в сутки. Не бог весть какие, прямо скажем, деньги, если учесть, что в год в Болхове выпускалось пеньки, пакли и канатов на полтора миллиона рублей. Эта сумма, между прочим, равнялась годовому бюджету всей Орловской губернии. На торговле пенькой и паклей поднялись две болховские купеческие семьи – Турковы и Мерцаловы. Главу семьи Мерцаловых на Промышленной выставке в Москве даже наградили золотой медалью для ношения на Владимирской ленте. В царском указе значилось: «пеньковому фабриканту Алексею Мерцалову за обширное в Болхове производство пеньки для заграничной отпускной торговли...». Экспортная заграничная торговля – это вам не в Воронеж и на Урюпинскую ярмарку пеньку возить.

Раз уж зашла речь о промышленных выставках, скажем и о второй Болховской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке девятисот десятого года, которую устроило Болховское сельскохозяйственное общество. На ней Болховский женский монастырь получил малую серебряную медаль за представленную бурую корову Светланку шести лет и похвальный лист за детские рукоделия. Конечно, бурая корова Светланка шести лет это вам не четырехмоторный самолет «Илья Муромец», но ведь и Болховский женский монастырь не завод «Руссо-Балт».

Производство пеньки в Болхове и уезде оказалось очень живучим. Его смогли угробить окончательно только в двадцать первом веке, когда о кожевенном производстве уже и думать забыли. Кстати, о кожевенном производстве. О былой славе болховских кожевников напоминает только стоящий в местном краеведческом музее стул, у которого спинка и сиденье обиты тисненой кожей. Затеяливое тиснение выше всяких похвал, что и говорить. Тут тебе и листочки, и ягодки, и стебельки. Не погонись болховские купцы за легкими деньгами, не подделывай они картон под кожу, может быть и сейчас... Ну, да что об этом говорить. Сделанного не воротишь.

На этом разговор о болховской промышленности в девятнадцатом веке можно закончить. Не копаться же в самом деле в производстве кирпича для местных нужд, тележных колес, телег, саней, бочек, плетении корзин, коробов, изготовлении шерстяных подпоясков, подпруг, вязании шерстяных чулок, торговле медом, салом и воском.

Перед тем как перейти к рассказу о борцах за народное дело, крестьянских волнениях, первых, вторых и третьих большевиках, скажем и о культуре. Не так чтобы она в Болхове в конце позапрошлого века расцвела¹¹, но в восемьдесят пятом году болховский учитель Хализев открыл библиотеку-читальню. Записалось в нее читателей ровно двадцать семь человек. Про уезд и говорить нечего – по переписи девяносто седьмого года восемьдесят четыре процента населения было неграмотным. Да и в самом Болхове даже в девятисот тринадцатом году еще семьдесят процентов горожан были неграмотными. И это при том, что население города в девяносто третьем году составило двадцать семь тысяч человек. В это трудно поверить, но уездный Болхов в конце девятнадцатого века был в полтора раза больше тогдашних Архангельска, Вологды и Владимира. В два с половиной раза больше Петрозаводска, больше Новгорода и Пскова. Все эти бесчисленные кожевенные, пенькотрепальные, мыловаренные, клеевые, сально-свечные, табачные и кирпичные заводы, крупорушки, маслобойни, кабаки, городское трехклассное училище, библиотеку-читальню, Спасо-Преображенский собор и еще почти два десятка церквей, Одерскую площадь, на которой продавали старых лошадей живодерам, двухклассное женское приходское училище, кузницы, шорные мастерские, почту, богадельню, тысячи деревянных и сотни каменных домов освещали сто тридцать керосиновых фонарей.

О самих жителях города орловский краевед и писатель Тимофей Афанасьевич Мартемьянов писал в изданной в восьмисот девяносто шестом году книге «Город Болхов Орловской губернии»: «Вообще, тип болховитянина доброго старого и даже не особенно старого времени не очень-то привлекателен; характерные черты его составляли: “своемерство”, невежество не простое, но горделивое, надменное, щеголявшее жалкой ученостью “на медные гроши”: грубоватость, преувеличенное поклонение, на китайский манер, всему своему, столь же сильное презрение ко всему чужому, не местному... Умственное достоинство типичный болховитянин ценит на “рубли”: “рубль – ум, два рубля – два ума, а три – так совсем разумный человек”, – гласит популярная болховская поговорка. И, замечательно, этот своеобразный “умомер” и доселе распространен в Болхове...».

На рубеже веков в Болхове появились первые революционеры. Немного – всего двое. Одним из них был уроженец Болхова Евгений Алексеевич Преображенский, впоследствии ставший профессиональным революционером, написавшим совместно с Бухариным книгу «Азбука коммунизма», а вторым – еще один уроженец – сын

болховского купца Ивана Анисимова. Вот как Преображенский, учившийся тогда в Орловской классической гимназии, описывает свои болховские каникулы: «В нашем городе этим летом единственная революционная ячейка состояла, по-видимому, из меня и моего товарища детства, сына местного купца Ивана Анисимова, впоследствии ставшего меньшевиком, и, кажется, эмигрировавшего вместе с белыми. Мы отправлялись с ним вдвоем за город в наиболее глухие места и выражали наш протест против самодержавия пением “Марсельезы”, но так, чтобы никто, кроме нас, не слышал. Когда мы проходили мимо болховской городской тюрьмы – жалкого старомодного зданья, где обычно содержалось десятка два мелких воришек и конокрадов, наши мысли уходили к Крестам и Бутыркам, где томились дорогие нам борцы против самодержавного режима».

В конце девятьсот пятого года в Болхове уже была создана группа РСДРП, которую возглавили братья Александр и Николай Черкасовы. У них имелась даже бронзовая печать с гравированной по краю надписью «Российская социал-демократическая рабочая партия», а в центре – «Болховская группа Орловско-Брянского комитета». В следующем году началась агитация на кожевенных заводах, весной девятьсот шестого года в городе начались маевки, по ночам разбрасывали прокламации, а к лету рабочие одного из кожевенных заводов предъявили хозяевам экономические требования. Агитировать на кожевенных заводах было легко. Газета «Орловский вестник» в ноябре пятого года писала об условиях работы кожевников: «Положение нашего рабочего прямо ужасное. Ему приходится работать 17–18 часов в сутки в зловонном нездоровом помещении, лишенном света и воздуха. Зак выделку кож заводчики платят гроши. Большинство работают сдельно, зарабатывая в среднем от двух до трех рублей неделю. Проработав на заводе пять-шесть лет, рабочий получает чахотку. Смело можно утверждать, что из 2000 рабочих 1500 были заражены туберкулезом». Большевики пришли туда, где все к их приходу было подготовлено болховскими кожевенными фабрикантами.

Еще раньше, летом пятого года заволновались и крестьяне в уезде. Уездные помещики стали просить предводителя дворянства прислать казаков для охраны своих имений: «...В этой части уезда неспокойно... Жить стало страшно. Многие укладывают свои вещи, как в пугачевщину, и собираются уезжать из имений». Через год в уезде произошло уже вооруженное столкновение крестьян с полицейским отрядом. Появились первые убитые. Все же властям удалось разгромить первую большевистскую ячейку в Болхове, арестовать и посадить ее активистов, конфисковать гектограф и до начала девятьсот десятого года ячейка перестала существовать.

В болховском краеведческом музее лежит под стеклом фотокопия первой страницы дела, заведенного полицией в тринадцатом году на Николая Никитовича Козырева – одного из самых активных членов болховской ячейки РСДРП. Красиво, с завитушками написанные фамилия, имя и отчество...

И четырех лет не прошло, как кончились завитушки, и в Болхове и уезде началось то, что началось по всей Российской империи, но прежде чем перейти к рассказу об этих событиях, бросим прощальный взгляд на старый Болхов, который, как говорили то ли древние греки, то ли древние римляне, сначала не был, потом был и теперь уже никогда не будет. Нет, мы не будем в десятый или пятнадцатый раз пересчитывать кожевенные или пенькотрепальные заводы, кабаки, библиотеки, крупорушки, кузницы, земские больницы, богадельни и маслобойни. Не скажем и о добровольном пожарном, потребительском и сельскохозяйственном обществах, о замене керосиновых фонарей на газовые, о городском саде с его духовым оркестром и танцами, о синемаатографе «Иллюзион», в котором, грызя подсолнухи, болховичи смотрели «Ключи счастья» или «Оборону Севастополя».

Скажем только о стихотворении Саши Черного, приезжавшего летом девятьсот одиннадцатого года в Болхов. Приезжал он, чтобы встретиться с местным поэтом, Евгением Соколом, с которым состоял в переписке. Лучше бы не приезжал и тогда не написал бы стихотворения «Уездный город Болхов», в котором... которое... Ужас что

такое, а не стихотворение. Там и про Одерскую площадь, и про понурых одров, и про пыль, и про боровов, гуляющих по улицам, и про понурых крестьян, и про пустыри, заросшие пыльными репейниками, и про мутные стекла, сквозь которые мерцают божницы, и про мух, и про многочисленные церкви, и про синемаграф, и про подсолнухи, и про вспухших от сна кожевниц в корсетах, и про облупленные коринфские колонны, поддерживающие кров мешанской богадельни, и про караван тоскующих ворон... В Болхове эти стихи ни один краевед не то что не помнит, а не вспомнит и под пыткой. В книжках о Болхове их нет даже и в примечаниях, но в музее они раньше висели на стене в зале, изображающем купеческую гостиную. Зал остался, но листок со стихами убрали. Экскурсовод сказал мне, что убрали потому, что... убрали и все. Остались только иллюстрации к этому стихотворению – несколько цветных миниатюр на одном листе. На каждой миниатюре – строчка из стихотворения. Висит, прямо скажем, не на самом видном месте, но и ее скорее всего уберут. Посетители задают ненужные вопросы и вообще...

В тот самый год, когда случилось Саше Черному написать свое злосчастное стихотворение, в то же самое лето в городе образовалось Болховское общество распространения телефонов. Оно распространяло телефонную связь и телефонные аппараты в городе и уезде. Членами общества могли быть лица обоего пола, кроме учащихся учебных заведений, несовершеннолетних, состоящих на действительной службе нижних воинских чинов и тех, кто ограничен в правах по суду. У каждого члена общества был один голос, но у тех, кто имел несколько телефонных аппаратов, могло быть два голоса. Были члены действительные, были почетные и были члены сореовнователи, просто уплатившие деньги за установку телефонного аппарата. У этих права голоса не было. «Все члены и лица, пользующиеся телефонным аппаратом, обязаны бережно обращаться с аппаратом и при переговорах соблюдать установленную законом корректность. Нарушители этой корректности подвергаются выговору Правления или исключения из общества с утверждения этого исключения общим собранием». Все исключенные в обязательном порядке свои телефонные аппараты возвращали Обществу. Общество могло быть закрыто или по решению общего собрания, или по распоряжению властей. «О закрытии Общества публикуется в местных Губернских ведомостях и правительственном вестнике и доводится до сведения Министерство Внутренних дел через посредство Орловского губернатора». В шестнадцатом году в Болховском обществе распространения телефонов состояло сто два абонента и решался вопрос об установке нового коммутатора еще на сотню пользователей¹².

Когда общество распространения телефонов приказало долго жить, не было уже ни Министерства Внутренних дел, ни Орловского губернатора, ни правительственного вестника, ни самого правительства.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов появились в Болхове еще в марте семнадцатого года. В августе в городе началась забастовка кожевников, а в уезде крестьяне стали захватывать помещичьи земли. Товарищ председателя Союза землевладельцев Болховского уезда отбил телеграмму Временному правительству: «В Болховском, Мценском, Карачевском и Козельском уездах, главным образом, по почину комитетов, начались захваты земли, косят самовольно луга, свозят скошенное сено, снимают рабочих и пленных, назначают невероятно высокие цены на рабочих и поденных, сдают в аренду земли по невероятно высокие цены на рабочих и поденных, сдают в аренду земли по невероятно низким ценам, производят обыски, отбирают коллекционное и охотничье оружие и вообще глумятся над земельными собственниками. Просим принять энергичные меры к восстановлению порядка». Три прилагательных «невероятные» в одном предложении. Сколько таких телеграмм получало Временное правительство, бывшее не в состоянии принять не только энергичные, но и любые меры даже в Петрограде...

С января восемнадцатого года в Болхове установилась советская власть, и местный Совет избрал девять комиссаров, чтобы проводить решения новой власти в жизнь.

Решений провели много и к двадцать пятому году население Болхова сократилось на треть. Появилось три детских дома для беспризорников. В музее от тех времен остались два жетона «Свободная Россия», выпущенные Временным правительством, удостоверение болховского комиссара юстиции Кутузова, черная кожаная куртка с привинченным к ней орденом Красного Знамени, трехлинейка Мосина, ржавый штык, сабля, наган, мандат, выданный гражданину Милютину в том, что он «действительно является чрезвычайно-уполномоченным по проведению ударного двухнедельника по ликвидации неграмотности» в Мыринской волости Болховского уезда, фотография колокольни Георгиевской церкви в момент, когда с нее сбрасывают колокол, опись имущества недоимщика, пулемет Максима, печка «буржуйка» и афиша спектакля «Смерть Иоанна Грозного», сыгранного зимой двадцать четвертого года. Это был бенефис помощника режиссера Беликова и суфлера Преображенского. Играл духовой оркестр, в спектакле участвовала вся труппа в париках и костюмах времен шестнадцатого столетия.

К двадцать восьмому году, когда Болхов стал райцентром Орловского округа Центрально-Черноземной области, жизнь все же стала налаживаться. Ожили кожевенно-обувное и пенькотрепальные производства. Валяли валенки. Валенки, конечно, не самолеты и даже не газонокосилки, но в самолетах зимой по сугробам не походишь, а газонов в Болхове отродясь никто не косил. Появилась плодосушильная промышленность. Тоже, конечно, не бог весть какие нанотехнологии, но в советской триаде «первое, второе и компот» компот из сухофруктов не менее важен, чем народность в формуле «православие, самодержавие, народность». Впрочем, в двадцать восьмом году о последней формуле лучше было не вспоминать.

Газета «Болховская коммуна» в конце сентября тридцать первого года была тревогу из-за того, что сентябрьский план по хлебозаготовкам за две декады выполнен едва на четверть. В связи с этим необходимо: «Большевистским огнем бить по право-оппортунистической практике. Изжить потребительские настроения. Нанести сокрушительный удар кулацко-зажиточной части». Нельзя было допускать «никаких промедлений в выполнении твердых заданий». Кстати, о потребительских настроениях. Один из корреспондентов «Болховской коммуны» в заметке «Кулацкая выдача авансов» сообщал, что в колхозе «Ленинский путь» «выдача продуктовых авансов производится по едокам, а не по трудодням. Инициатор кулацкой выдачи авансов Большов Г.И.». Корреспондент требовал «Прекратить выдачу по едацкому принципу, производя ее исключительно по количеству и качеству труда каждого колхозника». Бедный Большов... досталось ему, наверное, по первое число.

Районные партийные власти, чтобы выполнить план хлебозаготовок, объявили с двадцатого по тридцатого сентября «декаду прорыва выполнения сентябрьского плана хлебозаготовки и окончательной зачистки других заготовок (сенозаготовки, шерстезаготовки, молокозаготовки, яйцезаготовки, птицевыводки)»¹³ с тем, чтобы догнать, выполнить и перевыполнить план уже к первому октября. Для этого предлагалось в двухдневный срок «взыскать все твердые задания с кулацко-зажиточной части, привлекая виновных как к административной, так и судебной ответственности». Одновременно с этим отмечалось, что некоторые руководители сельсоветов «Не прекратили еще продолжающуюся преступную дискуссию о невозможности выполнения плана и не организовали по-большевистски выполнение сентябрьского плана хлебозаготовок». Можно не сомневаться, что и председателям сельсоветов досталось ничуть не меньше, а то и больше, чем товарищу Большову Г.И.

Это с одной стороны, а с другой – к началу тридцатых годов в Болхове работало семь городских общеобразовательных школ, построили электростанцию, позволившую осветить не только государственные учреждения, но и часть домов горожан, провели водопровод на окраины города, открыли педучилище, автошколу, медицинскую школу, республиканские курсы киномехаников, школу комбайнеров, дом культуры, библиотеку, кинотеатр и краеведческий музей. Работали четыре артели, производившие швейные,

вышивально-строчевые, канатно-веревочные, пенькоткацкие, кожевенные, шорно-седельные и войлочные изделия. Животноводство в районе расцвело так, что коров и быков колхозов «Красный пахарь» и «Ленинский путь» допустили к участию на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке тридцать девятого года. Быков Франца Первого, Лотоса, коров Фанду, Малютку, Зорьку и Крошку наградили аттестатами первой степени. Доярка колхоза «Красный пахарь» Александра Казакова даже получила большую золотую медаль ВСХВ за высокие надои. У Крошки и Малютки суточные достигали сорока пяти литров молока. Еще две доярки этого колхоза получили серебряные медали – большую и малую. Помните шестилетнюю корову Светланку, за которую монахини Болховского женского монастыря получили малую серебряную медаль на выставке в Болхове? Куда ей против Фанды, Малютки, Зорьки и Крошки, не говоря о быках Франце Первом и Лотосе. Да и монахини против доярок с большими золотыми и серебряными медалями и аттестатами первой степени...

С третьей стороны, библиотека, гимназии, городское училище, пять начальных, шесть церковно-приходских, восемь школ грамоты и даже кинотеатр, упомянутый в стихотворении Саши Черного, появились в городе еще до эпохи исторического материализма. Существовало общество распространения телефонов с сотней абонентов, после семнадцатого года переставшее быть навсегда. Четырех артелей не имелось, но перебоев в снабжении населения шорно-седельными, канатно-веревочными, пенькоткацкими и войлочными изделиями не наблюдалось ни одного дня – и валенками, и веревками, и конской сбруей жители Болхова были обеспечены. Правда, до октября семнадцатого года в городе не было республиканских курсов киномехаников, автомобильной и медицинской школ, педучилища, школы комбайнеров, четырех артелей и декады прорыва выполнения плана хлебозаготовок. Не было почти четырехсот репрессированных в тридцатые годы жителей и уроженцев Болхова и района, отправленных в лагеря или расстрелянных. Стоило ли из-за курсов киномехаников, пусть и республиканских, школы комбайнеров, автошколы, педучилища, краеведческого музея и декады прорыва выполнения плана устраивать в семнадцатом году все то, что... Из-за декады прорыва выполнения плана точно не стоило.

Немцы вошли в Болхов девятого октября сорок первого года. Вернее, въехали на мотоциклах, на каждом из которых сидело по три солдата в зеленых касках, в зеленых плащ-палатках и с автоматами. Все было как в кино о войне, которое тогда еще не снимали. Город горел. Горели торговые ряды, библиотека, банк, сушильный комбинат, горел Спасо-Преображенский собор, в котором хранилось зерно. Из горящего собора жители уносили в мешках и сумках подгоревшее зерно, из магазинов – хлеб и соль. Уже в начале января сорок второго года началась Болховская наступательная операция. Шла она без малого три месяца до двадцатого апреля, и командовали ей два генерала – Жуков и Черевиченко, но она успехом не увенчалась. Увенчалась она десятками тысяч убитых, пропавших без вести и взятых в плен. В ноябре сорок второго Болхов стали бомбить и бомбили до тех пор, пока не освободили в конце июля сорок третьего. Окраины города были разрушены. Только центр и сохранился. Сохранилась под стеклом в музее немецкая губная гармоника, немецкая граната на длинной деревянной ручке, немецкий соломенный эрзац-валенки, белая нарукавная повязка жителя деревни Калиновка Болховского района с надписью «Dorf Kalinowka Haus №149», пожелтевший листок с напечатанным приказом немецкого командования, в котором написано: «Германскому правительству лучше известно, где ваша работа принесет наибольшую пользу. А поэтому приказывается. Всем без исключения молодым мужчинам, женщинам и девушкам 1925 года рождения записаться на работу в Германию...». Рядом с приказом висит бумага под названием «Акт», датированная десятым марта сорок четвертого года. Написано в бумаге: «Мы, нижеподписавшиеся члены Районной комиссии по учету ущерба в составе председателя комиссии тов. Молова и секретаря Полтевой и членов т.т. Черкасова, Ключева, установили, что на основании имеющихся материалов, представленных комиссией предприятий,

учреждений, сельсоветов и колхозов, а так-же на основании свидетельских показаний, немецко-фашистские захватчики в период оккупации Болховского района Орловской области с 8 октября 1941 года по 28 июля 1943 года принесли предприятиям, организациям, культурно-бытовому, колхозному, сельскому и промышленному хозяйству, а так-же рабочим, служащим и колхозникам нижеследующие злодеяния и убытки...». Далее идет длинный список разрушенного и уничтоженного, в котором промышленные предприятия, школы, клубы, библиотеки, больницы, врачебные и фельдшерские пункты, родильные дома, дома жителей Болхова и района, скотные дворы, амбары, подсобные предприятия, машинно-тракторные станции, магазины и ларьки на общую сумму более чем в полтора миллиарда тогдашних советских рублей. И это не все. Немцы вырубили на дрова триста гектаров садов, в числе которых был весь городской сад.

Конечно, все потом восстановили, а простой овощесушильный завод превратился в сложный консервно-овощесушильный, который стал производить кроме сушеных овощей и фруктов самые разные варенья, консервы, крахмал, сухие кисели в брикетах, которые так любили грызть дети, и супы. Уже в пятьдесят девятом году в Болхове производилось более полутора миллионов банок консервов. Банок с вареньем и брикетов с сухими киселями до нашего времени не дошло, хотя они и были, понятное дело, куда вкуснее, чем те иностранные, что продают сейчас, но в краеведческом музее хранится чудом уцелевший пакет из-под вермишелевого супа с мясом, производства Болховского консервно-овощесушильного комбината.

Длина городского водопровода к шестидесятым увеличилась по сравнению с довоенной в три раза. Болховская киношкола ежегодно выпускала четыреста киномехаников широкого профиля. Любой из этих специалистов мог показывать и кинокомедии, и трагедии, и драмы, и мультфильмы, причем не только рисованные, но и кукольные. Такие же специалисты широкого профиля работали и на Болховской мебельной фабрике, выпускавшей от бочкотары для пищевых предприятий до театральных кресел, диванов и стульев, еще артель «Коллективный труд», выпускавшая в год на шесть миллионов обуви и другого кожаного товара, еще маслозавод, перерабатывающий молоко местных производителей в масло и сыр, еще хлебокомбинат, еще пенькозавод, еще Болховский племенной рассадник симментальского крупного рогатого скота, еще Злынский конезавод, занимавшийся воспроизводством пород лошадей «русская рысистая» и «русская тяжеловоз», еще государственная конюшня в деревне Татинки, занимавшаяся разведением лошадей пород «русская рысистая», «орловская рысистая», «першерон» и «советский тяжеловоз», еще шахта по добыче угля; еще артель «Соцтруд» производившая валенки, еще Болховское училище механизации сельского хозяйства, выпускавшее в год до шестисот комбайнеров, трактористов, электромонтеров, строителей, еще драматический кружок Дома культуры, еще внутригородской автобус, еще районная библиотека с двадцатью тысячами книг, еще детская библиотека, еще восемнадцать библиотек в селах Болховского района, в которых двести тысяч книг, еще городская баня, еще завод полупроводниковых приборов, основанный в шестьдесят восьмом году...

Теперь из всего того, что работало тогда, осталось не так много. Точнее сказать, совсем мало. Если исключить драмкружок Дома культуры, городской автобус и библиотеки, то останется хлебокомбинат, сыродельный завод и завод полупроводниковых приборов. Тут бы нужно рассказать о баранках и пряниках хлебокомбината, о выпускаемых на сыродельном заводе семи видах сыра, о двух видах кефира, трех видах сметаны, двух видах масла, трех видах творога, о четырехканальном изоляторе логических сигналов, о восьми видах микросхем, о трех видах диодов, выпускаемых на заводе полупроводниковых приборов, которые летают и в ракетах, и в спутниках, плавают в подводных лодках и в... но мы не будем этого делать, поскольку микросхем мало, знать, где они летают и с какими целями, нам не положено, а завод, чтобы не умереть с голоду, выпускает еще и мангалы, решетки, теплицы, люстры, бра, посуду, электроинструменты,

фонари, скамейки, столы, беседки, фонари, занимается сельским хозяйством, пчеловодством, туризмом... Проще перечислить то, чем он не занимается и... все равно уезжают болховичи на заработки в столицу. Особенно молодежь уезжает.

Нет, лучше я вам расскажу про болховские куранты на колокольне Спасо-Преображенского собора. По легенде, которую рассказали в музее, куранты собору и городу подарил в девятьсот шестнадцатом году земский доктор Михаил Соломко. Собственно, это еще не легенда – все так и было. Никто не знает, где часы изготовили – то ли в Швейцарии, то ли в России. Это тоже еще не легенда, а только предисловие к ней. По легенде, Соломко пригласил всех жителей города и окрестных деревень посмотреть на то, как новые часы будут устанавливать на колокольне. Жители пришли с трех сторон, а с четвертой не пришли. Соломко обиделся, и с той стороны, с какой жители не пришли, велел часов не ставить¹⁴. Куда он дел лишние часы – легенда умалчивает, но на соборной колокольне часы действительно стоят только с трех сторон. К самому механизму посторонним вход, конечно, воспрещен, но на колокольню подняться можно. В соборе батюшка, если его попросить, откроет дверь в стене колокольни, и вы сначала по узенькому винтовому коридору, задевая за стены плечами, подниметесь по высоким истертым ступенькам на первый ярус колокольни, а потом по унавоженной голубями деревянной лестнице на второй ярус, потом на третий, где висят колокола, внутренняя поверхность которых исписана именами тех, кто не забыл взять с собой мел, чтобы сообщить городу и миру о том, что их зовут Витя, или Саша, или Ира. С третьего яруса маленький Болхов виден весь. Если замереть и прислушаться, то слышно, как над головой, на четвертом ярусе, неторопливо и основательно, громко тикая и голубино воркуя, идет болховское время. Точнее, ходит по кругу.

¹Никаких достоверных сведений о результатах посещения Иваном Васильевичем болховской крепости не сохранилось, но осталась народная легенда, которую мне рассказали в местном краеведческом музее. Нет, царь не прятал в подвалах болховского острога своей библиотеки – тогда он ее еще только начал собирать. Ему понравилась девушка, которую он встретил, подъезжая к Болхову. Разумеется, он решил на ней жениться и немедленно это сделал. Свадьбу играли в Болхове. Кстати, Болхов тогда, по легенде, назывался еще Девягорском. Царь на радостях бросал жителям Болхова золотые и серебряные монеты, а жители, ползая в грязи (это было весной, в распутицу) их собирали. Иван Васильевич страшно хохотал, наблюдая за этими сборами. След от его царской ноги верноподданные жители аккуратно вырезали из грязи, залили драгоценным металлом и отливку долгие годы хранили в Троицкой церкви. Первую брачную ночь царь провел в Девягорске. По воспоминаниям старожилов, его страшно кусали блохи, и наутро проснувшийся Иван Васильевич якобы сказал: «Какой же это Девягорск? Этот город должен называться Блоховым». Ну, а уж от Блохова до Болхова, что называется, рукой подать. Вот так и стал Девягорск Болховым. Куда потом подевалась царская жена, в музее не знают. Видимо, эта часть легенды до нас не дошла. Скорее всего, Грозный жену утопил, или удушил, или заточил в дальний монастырь навечно. Короче говоря, поступил по-царски. Драгоценный отпечаток его ноги тоже куда-то пропал.

²Степан Волынский вместе с воеводами Брянска и Лихвина удостоился царской похвалы за свою «прямую службу и радение», а воевод струсивших и оставивших свои города на милость неприятеля, как это было, например, в соседнем Белеве, приговорили «бить кнутом по торгам и казнить смертью безо всякие пощады». Как бы не заступничество матери царя Михаила Федоровича старицы Марфы Ивановны, не сносить бы им голов. Царь их помиловал, но уж кнута они отведали «безо всякие пощады».

³«Лета 7186 на службе Великого Государя Царя и Великого князя Федора Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержца. В малороссийском городе Чигирин окольничий и воевода Иродион, зовомый Иваном Ивановичем Ржевским,

в нашествии и облежании в осаде от безбожных турецкого султана людей от визиря и от пашей от иных многих земель, которые в том облежании стояли, сидел в осаде со многими Государственными ратными людьми четыре недели. И убиен он раб Божий окольный и воевода Иван Иванович гранатною стрельбою месяца Августа в 3 день 186 года в субботу, в 11-м часу дня; а до приходу к Чигирину государских ратных людей с бояры и воеводы, он сидел в целости, а по убиении его окольного и воеводы в 8 день Чигирин от турских людей взят, а тело его из Чигирина вывезено до взятия и погребено в Болхове в соборной и апостольской церкви Всемилоственного Спаса в 7186 года сентября в 10 день, а сия церковь строения его окольного Ивана Ивановича».

Рядом с могилой Ивана Ивановича находилась могила одного из его сыновей – Тимофея Ивановича. Надгробную плиту с этой могилы при возведении нового собора в девятнадцатом веке тоже сохранили и вмуровали в колонну рядом с надгробной плитой его отца. «1703 года на службе Великого Государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержца во Астрахани был воеводою полковым и осадным стольник Тимофей Иванович Ржевский. И убиен он раб Божий воевода Тимофей Иванович 705 года июля 30 дня от противников и восстающих бунтами стрельцов московских и астраханских и мучен был многими язвами и скончал жизнь свою за волю монарха своего со многими стольники и дворяны и полковники, которые скончали живот свой в повелении оных бунтовщиков и погребено тело его в соборной церкви 706 года августа...»

⁴Ярмарка, проходившая неподалеку от Брянска. Возникла в восемнадцатом веке и просуществовала до начала двадцатого.

⁵Севская провинция была образована в составе Киевской губернии по указу Петра Первого «Об устройстве губерний и об определении в оныя правителей» в 1719 году.

⁶ Хотя эта история непосредственно к Болхову и уезду не относится, но могла случиться и в Болхове, и в Мценске, и в Саратове, и в Казани. Двести лет назад могла случиться, и сейчас, и даже через сто лет может, и потому, пусть и в примечаниях, рассказать ее стоит. В 1787 году дворяне Орловского наместничества добровольно и с охотой собирали деньги на организацию проезда Екатерины Алексеевны через их владения. Болховские дворяне тоже, конечно, в этих сборах принимали посильное участие. Планировалось, как и всегда у нас планируется перед приездом высокого начальства, исправить дороги, убрать мусор, устроить триумфальные арки, увитые цветами, пирамиды при въездах в города и фейерверки. Вот что писал по поводу сбора денег правитель Орловского наместничества Семен Александрович Неплюев предводителю дворянства соседнего с Болховским Малоархангельского уезда: «Милостивый государь мой, Федор Яковлевич. По случаю вожделеннейшего прибытия в Орел сей весной ея императорского величества, нужно будет всем дворянством изъявить свое признание к столь знаменитому случаю... Сбор также для триумфальных ворот, положенный гг. предводителями, по поводу предложения, сделанного от г. Предводителя, – по пятисот рублей с округи, благоуспешно довольно продолжается и хотя доходит до моего сведения, что некоторые из дворян сих денег дать не желают, а как сие не более двух копеек с души, то я и не могу дать сему веры; однако-же, при сем случае советую вам никого к тому не принуждать, а только отобрать деньги или отзыв – кто не хочет давать тех денег ибо в таковом сборе отнюдь принуждения быть не должно, там, где подданные изъявляют свое усердие государю. Чувство сие столь почтенно, что ему должно дать полную свободу, ибо, хотя я удостоверяюсь на положение гг. предводителей, подрядил и строя все к тому нужное чести губернии и дворянства; но если бы сих денег по недачи некоторых и не достало, то я лучше захочу добавить то своими... нежели кого-либо принуждать к даче такой безделицы, как сей сбор между нами, дворянами, положен. Но только при сем предписываю вам иметь список всем тем, которые не согласились на сию дачу, дабы я, быв начальником, мог свидетельствовать усердие и поднести список только о тех, которые участвовали в том и отметить в другом тех, которые не имели сего

желания. Сие и вам будет нужно, равно и последователям вашим, чтобы ведать усердствующих и отличить их...». Через Болхов императрица не проехала, но пирамиды перед въездом в город все же поставили. Не высокие каменные, а маленькие деревянные, но ведь и денег собрали только на деревянные.

⁷Более двухсот дворян Болховского уезда, «изъявившие беспримерную ревность щедрым пожертвованием не токмо имуществ, но и самой крови и жизни своей...», получили бронзовые медали на Владимирской ленте по царскому манифесту от 30 августа 1814 года. Болхов и уезд войной затронуты не были, но для фронта и для победы сделали все, что смогли. В подробном расчислении о сборе для армии Орловской губернии с купцов, мещан, владельческих и удельных крестьян и казенных поселян на долю Болхова и уезда приходится без малого шестьдесят пять тысяч рублей денег, 1642 полушубка, столько же пар сапог, почти пять тысяч пар лаптей, 8395 пудов сухарей, 2215 четвертей овса и 42506 живых душ. Цифры, может, и мертвые, но души живые.

⁸Представления в крепостном театре Юрасовских длились много лет. Вот одна из афиш, отпечатанная в местной типографии. Она настолько хороша, что не привести ее хотя бы в примечаниях (с сохранением авторской орфографии) невозможно.

«Афиша Сево 11 мая 1828 году в Сурьянино Болховского уезду Сево числа опосля обеда по особливому сказу крепосными людьми прапорщика Алексея Денисовича, совмесно с крепосными брата ево Маера Петра Денисовича при участии духовнаво хора Александры Денисовны Юрасовских на домовом театре Сурьянинском представлен будет: “Разбойники Средиземного моря или благодетельный алжирец” большой пантомимной балет в 3х действиях, соч. Г. Глушковского, с сражениями, маршами и великолепным спектаклем. Сия пиеса имеет роли наполненные отменною приятностью и полным удовольствием почему на Санкт-Петербургских и Московских театрах часто играна и завсегда благосклонно публикою принимаема была. Особливо хороши: наружная часть замка Бей, пожар и сражения. Музыка г. Шольца, в коей Васильев, бывший крепосной человек графа Каменского играть будет на скрипке соло соч. Шольца; танцовать будут (вершить прыжки, именуемые антраша) в балете: Антонов Васька, Хромина Васютка и Зюрина Донька втроем (pas de trois); Картавая Аниска – соло; Антонов Васька, Родин Филька, Зюрин Захарка и Демин Ванька вчетвером (pas de quatre); Зюрин Захарка, Петров Сидорка, Хромин Карпушка втроем (pas de trois); Хромина Васютка и Зюрина Донька вдвоем (pas de deux). Засим дано будет “Ярмарка в Бердичеве или Завербованой жит”. Препотешной разнохарактерной, комической пантомимной дивертисман, с принадлежащим к оному разными танцами, ариями, мазуркою, русскими, тирольскими, камаринскими, литовскими, казацкими и жидовскими плясками, за сим крепосной Петра Денисовича Юрасовского Тришка Барков на глазах у всех проделает следующие удивительные штуки: в дутку уткой закричит, в ту же дутку как на музыке играть будет, бросив дутку пустым ртом соловьем засвищет, заиграет бытто на свирели, забрешет по собачьи, кошкой замаячит, медведем заревет, коровой и телком замычит, курицей закудахчет, петухом запоеет и завохчет, как ребенок заплачет, как подшибленная собака завижит, голодным волком завоюет, словно голубь и совою кричать приметца. Две дутки в рот положет и на них сразу играть будет, тарелкою на палке, а сею последнею уставя в свой нос – крутить будет, из зубов шляпу вверх подкинет и сразу ее без рук на голову наденет, палкой артикулы делать будет бытто мажор, палку на палке держать будет и прочее сему подобное проделает. В заключение горящую паклю голым ртом есть приметца и при сем ужасном фокусе не только рта не испортит, в чем любопытной опосля убедитца легко может, но и груснаго вида не выкажет. За сим расскажет несколько прекуриозных рассказов из разных сочинений наполненных отменными выдершками, а в заключение всего: духовной хор крепосных людей Александры Денисовны Юрасовской исполнит несколько партикулярных песен и припевов за сим уважаемые гости с фамилиями своими почтительнейше просютца к ужину в сат в конец липовой алеи, туды, где в сваем месте стоит аранжирея».

⁹Имелась еще в Болхове жизнь некультурная. Обычная, обывательская. Без падекатров и духовных хоров. Та самая, от которой нороят убежать «В Москву, в Москву, в Москву!». В конце восемнадцатого и в начале девятнадцатого веков жил в Болхове купец Алексей Малахов. Он был, как говорили в советское время, активный общественник – и словесным судьей работал, и бургомистром магистрата, и даже городским головой. Был Малахов, несмотря на свои должности, страшный грубиян. Как-то раз обругал квартального надзирателя Иванова и прапорщика инвалидной команды Агаркова, когда они были при исполнении. Так обругал, что собрались подавать на него в суд, но Малахов попросил прощения и обошлось. Счетчика питейных заведений Красильникова он и вовсе заковал в кандалы и упек в колодничью избу. Завели на Малахова дело, но оно, на его счастье, сгорело в магистрате во время пожара восемьсот одиннадцатого года. Не успело сгореть одно дело, как пришлось заводить другое и даже третье – Малахов самовольно лишил дома дьякона Воронцова, и тоже самовольно, без согласия общества, продал один из домов, принадлежащих городу, купцам Торубаровым. Сделали ему в восемьсот седьмом году от губернского правления строгий выговор с указанием, чтобы от подобных действий он впредь воздерживался. На должности городского головы он все же не задержался. В шестнадцатом году Малахов уже мещанин и занимает должность депутата квартирной комиссии от купцов и мещан. И на этом месте он своих замашек не оставил – обидел подпоручика Пасекова, секретаря уездного суда Селиверстова и купца Василия Клягина во время описи имущества последнего. И тут пришлось извиняться, чтобы дела не ушли в суд, но по последнему делу магистрат его хотел допросить, а грубиян не хотел являться для допроса, а городничий послал за грубияном квартального надзирателя, чтобы отвести его в полицию, а тот оказался идти... Короче говоря, в полицию его все-таки отвели, там допросили, как всегда неожиданно выяснилось, что пропали двадцать четыре тысячи рублей казенных пошлин по делу купца Василия Клягина, в которое оказалась замешанной племянница Клягина, она же по случайному совпадению невестка Малахова. Оказалось, что Малахов успел написать донос на членов магистрата, тоже замешанных в этом деле. Короче говоря, все окончательно запуталось, как это обычно бывает в маленьких уездных городках. Верный себе Малахов в промежутках между всеми этими событиями успел нанести тяжкую обиду купеческому сыну Мерцалову.

Впрочем, все это была преамбула к делу. В шестнадцатом году в Болхове квартировал карабинерный полк. Продовольствие нижним чинам должны были поставлять болховские обыватели, но... не поставляли. Городничий кивал на городскую Думу, Дума кивала на комиссию квартирмейстеров, председателем которой был Малахов, а командир полка карабинеров полковник Гартунг жаловался командиру дивизии генерал-майору Красовскому на болховские власти и на грубияна и пьяницу Малахова лично. К тому времени Малахов еще и запил. Генерал приехал в Болхов и предложил властям выбрать в квартирную комиссию вместо пьяницы и дебошира Малахова приличного человека. Власти и члены комиссии на это с удовольствием согласились.

На следующий день... если все рассказывать по порядку, то никакого примечания не хватит, а потому скажем только, что Малахов при виде генерала шапку не снял, смотрел ему дерзко в глаза, был отправлен на гауптвахту, по дороге туда взбунтовал народ, народ ударил в набат, зачинщиками бунта оказали два мужика из мещан, один из которых был, естественно, пьян, потом пьяных, что еще естественнее, стало больше, и под их защитой Малахов пошел домой, а из дому скрылся в неизвестном направлении. Дело дошло до Орловского губернатора, Малахова арестовали, отправили в магистрат Болхова отбывать наказание, но там его освободили из-под караула и отдали на поруки. Отданный на поруки Малахов мгновенно накатал жалобу на имя губернатора и отвез ее в Орел, а оттуда его по предписанию генерала Красовского отправили в болховскую тюрьму. На всякий случай, по словесному приказанию командира гренадерского корпуса генерала от инфантерии графа Остермана-Толстого, Малахова заковали в кандалы. Малахов,

которому к тому времени было уже шестьдесят пять лет, на допросах упорно безмолвствовал, а народ безмолвствовать не собирался, и некто, как сообщал караульный офицер прапорщик Дорожинский, «в нагольной шубе с рыжей бородой» призывал бить в набат, а бывшие в толпе обыватели обещали разнести по кирпичу тюрьму, если народного героя не освободят. Караульных оттеснили и Малахова снова освободили. Тут уже дело дошло до графа Аракчеева, а от него до императора.

В восемьсот семнадцатом году последовало Высочайшее повеление, сообщенное графом Аракчеевым орловскому губернатору «о неоставлении без внимания буйственного поступка болховских жителей при взятии Малахова на гауптвахту, также о предании зачинщиков сего происшествия суду». Все это время сын Малахова, Павел, не переставая писал жалобы в вышестоящие инстанции. Сенат усмотрел в деле Малахова нарушения и повелел его освободить из-под стражи. Его и освободили в очередной раз на поруки двух болховских купцов и двух мещан.

На вновь учиненном допросе Малахов отвечал, что не только не смотрел с дерзким видом на его превосходительство генерал-майора Красовского, но даже и не видел его, поскольку тот подъехал незаметно сзади, но как только увидел, шапку немедленно снял и смотрел так, как и полагается смотреть обычному мещанину на генерал-майора и командира дивизии. В пересказе Малахова выходило так, что народ он не бунтовал, к набату не призывал, а спокойно дошел до тюрьмы и сел в нее, а уже в камере услышал набат. Не будем описывать жалобы Малахова на поведение генерала Красовского, а скажем лишь, что в том же году жители Болхова через сына Малахова Павла передали на Высочайшее имя жалобу на притеснения и неприятности, претерпеваемые горожанами от военных, занявших постоем лучшие дома в Болхове. Подписалось под жалобой двадцать шесть купцов и сто восемь мещан. В восемнадцатом году по поводу этой жалобы последовал Высочайший рескрипт на имя фельдмаршала князя Барклая-де-Толли. Михаил Богданович получил рескрипт и... скончался. Дело было передано барону Сакену, заместившему князя на посту командующего Первой армии. Назначили следователем другого или даже третьего генерала, который, расследовав дело Малахова и жалобу болховчан, нашел последнюю совершенно необоснованной. Болховчане в ответ на это написали новые жалобы министру юстиции и в Сенат. Сто с небольшим человек из болховских купцов и мещан написали жалобу императору. Так прошел еще один год... Тем временем генеральское следствие выяснило, что жалобу горожан писал Павел Малахов, и среди подписавших есть дети и мертвые души. Малахов к тому времени находился под судом по девяти уголовным делам. Арестовали пять человек свидетелей. Уголовная палата приговорила брата Малахова Алексея за то, что он участвовал в сборе подписей под письмом императору и за неуважение к начальству, к тридцати ударам плетью «яко беспокойного человека и в обществе терпимым быть не могущаго» и к ссылке на поселение. Бунтовщиков, отбивавших Малахова и вызволявших его из тюрьмы, посадили в ту же тюрьму на три месяца каждого. Самому Малахову Сенат выписал два десятка плетей и велел отправить в Сибирь на поселение. Жителей Болхова, подписавших прошение на Высочайшее имя, оштрафовали в пользу казны на двести рублей, чтобы впредь им было неповадно отвлекать Государя своими кляузами. Дело продолжалось с семнадцатого по двадцать третий годы и закончилось тем, что старик Малахов пропал. Бог его знает, как это случилось – то ли сделал подкоп из тюрьмы, то ли сбежал, сидя дома на поруках, то ли испарился каким-то еще, быть может даже сверхъестественным способом. Его объявили в розыск, но он как сквозь землю провалился. Так и не нашли. Шесть лет Болхов жил этим делом. Шесть лет часть болховчан была за Малахова, а часть против. Шесть лет во всех болховских гостиных перемывали кости полковнику Гартунгу, генералу Красовскому, фельдмаршалу Барклаю-де-Толли и даже графу Аракчееву. Шесть лет говорили, что Государя обманывают военные, а не то бы он... Шесть лет писали прошения, рвали их, снова писали, собирали подписи и отправляли в Петербург, шесть лет почтовые тройки с лихими ямщиками возили жалобы, письма, отношения и доклады

из Болхова в Орел, скакали фельдъегеря с рескриптами, шесть лет все кипело, бурлило, пенилось и... снова уснуло.

¹⁰Между прочим, братья Юрасовские были хорошо знакомы с Тургеневым. Так хорошо, что имя их гувернера, французского эмигранта графа Бланжия, даже попало на страницы тургеневского рассказа «Льгов». Правда, его имя упоминается всего лишь раз и в предложении «Под сим камнем погребено тело французского подданного, графа Бланжия», но это все же рассказ Тургенева, а не приходно-расходная ведомость одного из болховских кожевенных или пенькотрепальных заводов.

¹¹Может, она и не цвела, как в столицах, но в девяносто девятом году в Болхов приезжал ансамбль петербургских арфисток и бразильский король огня Монте Кострильо, глотавший огонь и другие предметы по желанию публики. Правда, потом оказалось, что Монте Кострильо – бывший носильщик станции «Отрада» Московско-Курской железной дороги Матвей Кострицын, но событие от этого культурным быть не перестало.

¹²В тридцать пятом году в Болхове был сорок один абонент. Почувствуйте разницу.

¹³Эта газета теперь висит под стеклом, в музее. Там же, но в соседнем зале, висит еще одна газета, «Болховская новь», вышедшая в сентябре девятьсот восемьдесят девятого года. Над большими черными буквами названия газеты курсивом набрано: «Эта неделя объявляется ударной по завершению уборки картофеля. Обращаемся болховчанам оказать помощь селу». Ну и, конечно, заметка о том, что и кто мешает убрать картофель вовремя и без потерь. Прогресс, конечно, налицо – в тридцать первом понадобилось две недели прорыва, а через пятьдесят восемь лет – всего одна.

Кстати, скажем и о краеведческом музее Болхова. Рассказал мне эту, увы, невыдуманную историю музейный сотрудник. Приходит в музей молодая семья: папа, мама и ребенок – школьник младших классов. Билет ребенку стоит десять рублей. Билет взрослому – пятьдесят. Экскурсия – пятьсот. Если набрать десять человек желающих – выйдет по пятьдесят, но разве их наберешь... Родители и говорят музейщикам, что они бесплатно посидят возле кассы, а ребенок за десятку пусть походит сам по залам музея. Москвич или житель Петербурга, может, и удивится этой истории. Может, даже и не поверит, а провинциал только вздохнет и скажет... да ничего не скажет. Он знает какие зарплаты нынче в Болхове или в Веневе, или в Нерехте, или в Вельске, или в Ветлуге, или в Кологриве... а потому вздохнет он еще раз и промолчит.

¹⁴Правду говоря, четвертая сторона колокольни обращена в сторону куполов собора. С этой стороны куранты и не увидать, даже если там их установили бы.

Библиография

- Е.Г. Захарик. Болхов. Орел: Орловское кн. изд-во, 1960. 62 с.
- А.Е. Венедиктов. Болховские куранты. Тула: Приокское кн. изд-во, 1982. 191 с.
- Рустика. Город Болхов Орловской губернии (Историческо-бытовые очерки). Орел: Типография газеты «Орловский вестник», Н.А. Сентяниной, 1896. 94 с.
- Болхов из глубины веков до наших дней. Орловская область, г. Болхов, 2018. 165 с.
- А. И. Лысенко. Болхов. Колокольное имя твое... Орел: Вешние воды, 2009. С. 208.
- Болховские были. Историко-литературный альманах. Орел: Вешние воды, 1994. С. 118.
- Устав общества распространения телефонов в г. Болхове и уезде. Орел: Типография газеты «Орловский вестник», А. И. Аристова, 1911. 18 с.
- Г.М. Пясецкий. О четырех главных дорогах, которыми татары вторгались и опустошали пределы нынешней Орловской губернии // Орловские епархиальные ведомости. №19 1 октября 1870. С. 1235–1249.
- В.Г. Сапелкин. Краткий исторический очерк развития народного образования в Болховском районе Орловской области. Болхов, 2017. С. 114.
- Е.Е. Красноперова. Улицы города память хранят. Орел: Картуш, 2019. С. 472.

А.М. Воронцов, А.В. Дедук, О.Н. Заидов, А.М. Колоколов, Е.В. Столяров, А.В. Шеков. Локализация летописного Девягореска по письменным и археологическим источникам // Город Средневековья и раннего Нового времени VI: Археология, История / Сост. И. Г. Бурцев. Тула, 2018. С. 7–49.

Дело о Болховском мещанине Алексее Малахове в чинении им буйственных поступков и в ослушании начальству при взятии его, по приказанию г. генерал-майора Красовского, за неуважение и чинимые грубости к начальству // Труды Орловской ученой архивной комиссии. Орел: Типография С. А. Зайцевой, 1892. С. 36–55.

Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб, 1787. С. 119–121.

Путешествие в Киев в 1817 году. Сочинение князя Ивана Михайловича Долгорукого. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1870. С. 14–15.

Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова: 1701–1703, М.: Наука, 2008. С. 667.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским: (По рукописи Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел). Вып. 1–5 / Пер. с араб. [и предисл.] Г. Муркоса. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1896–1900.

В.Р. Апухтин. Орловское дворянство в Отечественную войну. Очерк и материалы. Юбилейное издание Орловской Ученой Архивной Комиссии на средства Дворянства Орловской губернии, Орел: Типография газеты «Орловский Вестник» А. И. Аристова, 1913. С. 179.

Былые чудачи в Орловской губернии. Составил Орловский старожил. Второе издание. Орел: Типо-литография А. П. Матвеевой, 1909. С. 117.

Труды Орловской Ученой Архивной Комиссии за 1901 и 1902 гг. Орел: Типо-литография М. П. Гаврилова, 1903. С. 58–60.

А.В. Зорин. Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – 2012. – Т. III. – С. 1–203. <<http://www.milhist.info/2012/10/26/zorin>> (26.10.2012).

Орловская старина. Исторические сведения об Орловской губернии извлечены из архивов А. Пупаревым. Том 1. Статьи вошедшие Орлов. Губ. Вед. 1872 г. Орел: Губернская типография, 1872. С. 42–49.

Императрица Екатерина II в Орловской губернии. Очерк составил Н. Барышников. Орел: Типография газ. «Орловский Вестник», 1886. С. 44–47.

А.М. Польшин. Болховские истории. Орел: Картуш, 2016. С. 216.

А.Б. Гулярян. Общественно-политическая жизнь Орловской губернии в конце XIX – начале XX века. Орел: Издательство Орел ГАУ, 2007. С. 69–70.

Болховская коммуна. №86 (152) 24 сентября 1931. С.1.

Болховская новь. №109 (8169) 12 сентября 1989. С. 1.

Краткое генеалогическое описание рода дворян Юрасовских со времени приезда их в Россию в 1642 году / сост. в 1827 г. Н.И. Хитрово; испр. и доп. в 1890 г. Голицын. М.: [Тип. М. П. Щепкина], 1890. 32 с.